

ГЛАВА 1

Интерес к театру. Способности отца и дяди. Восторг от первого посещения спектакля. Игры в театр с братом. Школьный кружок

Ещё со школьной скамьи меня манила к себе сцена. Маленькой девочкой пяти-шести лет я любила наряжаться в какие-нибудь костюмы и устраивать представления, на которые приглашались знакомые, приходившие к моим родителям.

Мой отец, по рассказам мамы**, очень удачно выступал с любителями в городе Семёнове, где работал статистиком. Особенно удалась ему роль Жадова («Доходное место» А. Н. Островского), и, когда я в тридцать четвертом году видела в этой роли замечательного актёра нашего театра Григория Васильевича Семёнова, я думала о своём отце...

Папа собирался приготовить с нами спектакль и расписал всем нам роли по тетрадкам, но этому помешала война, на которую он был призван в тысяча девятьсот пятнадцатом году и с которой не вернулся, был убит в Ворохте Станиславской области в Карпатах. Так эта моя первая настоящая роль и не была сыграна. Средний брат отца, Федор Агапов, стал актёром, но погиб в годы Гражданской войны, а самый младший брат отца Николай великолепно, с большим юмором рассказывал, был, видимо, очень одарённым. Он пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.

* Подготовка к публикации, название воспоминаний, деление на главы и комментарии Ю. В. Лебского. Сокращения в ссылах: ТЭ – Театральная Энциклопедия, под ред. П. А. Маркова, М.1965, Изд-во «Советская энциклопедия», СЭС – Советский Энциклопедический Словарь, М.1985, Изд-во «Советская Энциклопедия». (Ред.)

** Отец автора, *Григорий Иванович Агапов* (1878-1916) происходил из крестьян Владимирской губернии. Окончив училище садоводства и земледелия в Умани, он не пошёл работать по специальности, а стал статистиком сначала во Владимирском, а затем в Петербургском и Нижегородском уездных земствах. Почти вся его служебная деятельность прошла в Семёновском уезде Нижегородской губернии, где он был очень авторитетным и популярным человеком. Помимо земской работы он принимал деятельное участие в культурно-просветительской работе, охотно и успешно участвовал в самодеятельных спектаклях. Любовь к театру он прививал и своим детям, стараясь организовать домашние спектакли. Жизнь его оборвалась рано, он погиб на фронте в Первую мировую войну. Посмертно был представлен к Георгиевскому кресту. [См. Статистический вестник, кн.1 и 2-я, М.1917, изд. Общества им.А. И. Чупрова для разработки общественных наук]. Мать Елены Григорьевны, *Мария Карловна Плотникова* (1867-1943), родилась в Севастополе, в семье пароходного механика. Она была образованным человеком, владела несколькими иностранными языками, её переводы с английского печатались сначала в казанских газетах, затем в «Нижегородском листке» и «Русской мысли». С 1901 года она служила в статистическом отделении Нижегородской губернской земской управы, печаталась в издаваемых ею сборниках. В советское время работала статистиком в Горьковском Коммунохозе, затем вышла на пенсию. [См. Люди Нижегородского Поволжья, вып. 1, Краткий словарь писателей-нижегородцев. Под ред. В. Е. Чешихина (Ч. Вепринского). Нижний Новгород, 1915, печатано по постановлению Нижегородской Ученой Архивной Комиссии].

В первом классе гимназии нам, пяти-шести девочкам, дали приготовить на французском языке басню «Волк и ягнёнок». Но, по какой-то причине, выступить на утреннике мне не пришлось.

В тысяча девятьсот семнадцатом году в нашей гимназии отмечали годовщину гибели А. С. Пушкина. Нам, ученицам младших классов, продали билеты в театр на генеральную репетицию. Я была совершенно очарована исполнением, костюмами и декорациями. Позднее я узнала, что этот вечер был подготовлен Михаилом Ильичем Платоновым, мужем Зои Павловны Чайки. Впоследствии Зоя Павловна оказалась одним из первых моих режиссёров.

Никогда не забуду спектакль «Снегурочка» в нашем театре, когда старшая сестра взяла нас в ложу бельэтажа. Спектакль этот был действительно хорошим. Мизгиря в нём играл В. Р. Ольховский*, хороши были и другие актёры. В их исполнении видела я и «Потонувший колокол» Гауптмана с П. Д. Муромцевым, В. П. Голодковой и А. Г. Георгиевским**.

Сказку Островского я запомнила почти наизусть, взяла в библиотеке томик Островского, и мы с братом стали ставить дома этот спектакль, шить костюмы куклам, рисовать декорации. Моего брата всегда больше интересовала «материальная часть».

С тех пор театр стал привлекать меня к себе, как магнит, но жизнь была очень трудна в те годы, и мама не могла давать мне денег на посещение театра. Пыталась я и зарабатывать, давая уроки французского и русского языка младшим школьникам.

В нашем театре мне удалось посмотреть «Марию Стюарт» Шиллера с И. А. Калантар в заглавной роли. Как сейчас, помню я П. Д. Муромцева – Лейстера, очаровательного Королёва – героического Мортимера и Н. Б. Лещинскую, очень хорошо игравшую Елизавету.

Подруги мои, имевшие возможность бывать в театре чаще меня, рассказывали мне о спектаклях, которые они видели, и мне казалось, что я смотрю эти спектакли вместе с ними.

Позже огромное впечатление произвел на меня спектакль «Слуга двух господ» с М. В. Горским в роли Труффальдино и «Дворянское гнездо» с Лизой – А. М. Морозовой и Лаврецким – Г. В. Гетмановым. С этими же артистами с восторгом смотрела я пьесу И. В. Шпажинского «В старые годы».

В школе, с приходом Александра Олимпиаевича Киселёва – преподавателя биологии и нашего классного руководителя, мы тоже стали ставить спектакли: «Черевички» по Гоголю, «Казакин» Мольера, «Зачем пойдешь, то и найдешь» А. Н. Островского, где роль Балзамина играл очень способный ученик Нижегородского театрального техникума Валентин Соколов***. Спектакль этот нам даже удалось повторить в зале Педагогического института. Я играла кухарку Матрёну, роль эта мне очень понравилась, но я соглашалась на любые роли, лишь бы играть.

Приезжал к нам дать несколько спектаклей Малый театр. Мне удалось увидеть один из них – «Бешенные деньги». Особенно сильное впечатление на меня произвела игра А. И. Южина в роли Телятева. Чебоксарову играла А. А. Яблочкина, Лидию – Е. М. Садовская.

* *Ольховский Виктор Родионович* (1895-1935) – русский актёр. Засл. арт. РСФСР (1932). Творческую деятельность начал в провинциальных театрах. С 1921 – актёр Малого театра. Яркий темперамент, психологическая глубина образов вскоре выдвинули О. в число ведущих актёров Малого т-ра. О. принадлежит заслуга первого воплощения в Малом т-ре героев советской драматургии [см. ТЭ].

** *Георгиевский Адольф Георгиевич* (1886-1945) – русский советский актёр. Засл. арт. РСФСР (1931). Играл в театрах гг. Горького, Ростова-на-Дону, Свердловска. [Более подробно см. ТЭ].

*** *Соколов Валентин Ф.* – выпускник 1926 года Нижегородского Театрального Техникума.

1905 год. Мария Карловна и Григорий Иванович – родители Е. Г. Агаповой

1909 год. Г. И. Агапов с детьми

ГЛАВА 2

Курсы иностранных языков. Кружок любителей театра. Первые выступления. Поездки в Москву. Восхищение Московским Художественным Театром. Наслаждение музыкой. Пушкинский вечер на курсах. Актёры нижегородских театров

Ну вот, школа окончена, хочется поступить в театральное учебное заведение, но очень уж страшно, и я поступаю на Курсы иностранных языков при Педагогическом институте. Тут оказалось много любителей театрального искусства. Возглавляла их уже упомянутая мною Зоя Павловна Платонова-Чайка.

В первом же вечере в пользу «недостаточных учеников» принимаем участие я и моя близкая подруга Ирина Шугурова, вместе с которой мы учились в школе. Она на немецком языке играет Раутенделейн в сцене из «Потонувшего колокола» Гауптмана, я – на французском – Митиль в сцене из «Синей птицы» Метерлинка.

На следующий год мы с той же подругой играли на французском языке сцены из пьесы Э. Ростана «Принцесса Грёза», затем сцену из «Снегурочки», где я играла Леля. Так мне жаль, что нет у меня фотографий в этой роли – говорят, выглядела я неплохо.

В эти годы удалось мне побывать в Москве, в её замечательных театрах, музеях, картинных галереях.

Я очень была увлечена МХАТом, его старыми мастерами – К. С. Станиславским, В. И. Качаловым, И. М. Москвиным, О. Л. Книппер-Чеховой, В. В. Лужским и тогдашней молодежью – А. О. Степановой, О. Н. Андровской, К. Н. Еланской, А. К. Тарасовой, Н. П. Хмелевым, Б. Г. Добронравовым, В. А. Орловым, П. В. Массальским, М. И. Прудкиным, Н. П. Баталовым, М. Н. Кедровым.

Самые незабываемые впечатления остались от игры Михаила Чехова*

* Михаил Александрович Чехов (1891-1955) – великий русский актёр, режиссёр, театральный педагог. Засл. арт. республики (1924). Племянник А. П. Чехова. В 1911 окончил Театральную школу А. С. Суворина в Петербурге. В 1913 Чехов

в «Гамлете» Шекспира, в «Деле» Сухова-Кобылина.

Мне очень нравились и другие артисты МХАТа Второго: в комедии В. Шекспира «Двенадцатая ночь» – А.М.Азарин* – Мальволио, М. А. Скрыбина – Виола, В. В. Соловьева – Ио в пьесе Г. Гейерманса «Гибель Надежды», И. Н. Берсенев** – Годунов в «Смерти Ивана Грозного», Гуинплен в пьесе Гюго «Человек, который смеётся» и С. Г. Бирман*** – королева Анна в том же спектакле.

Много мне дали посещения Большого театра, с некоторыми мастерами которого я уже встречалась на сцене нашего Нижегородского театра, куда они приезжали на гастроли летом. Мы чаще всего попадали на эти спектакли «зайцем» со второго акта – денег ведь по-прежнему не было!

Но тут, в Москве, доставлял огромное, незабываемое наслаждение знаменитый оркестр Большого театра с его несравненными дирижерами В. И. Суком и Н. С. Головановым****.

Мне довелось слушать прославленных певиц и певцов: Е. К. Катульскую – Виолетту, К. Г. Держинскую – деву Февронию, Г. В. Жуковскую, Г. С. Пирогова – Бориса Годунова, Л. Ф. Сперанского – Бориса, Амона-

вступил в труппу МХТ, участвовал в работе 1-й студии МХТ и МХАТа 2-го. Сценические образы, созданные Ч., выдвинули его в число крупнейших русских актёров. Сценические образы Ч. отличались новаторством, смелостью замысла, мастерством перевоплощения. Будучи последователем К. С. Станиславского, Ч. в то же время искал собственные пути в искусстве театра. В 1928 эмигрировал за границу. Выступал в театрах Европы и США, руководил рядом зарубежных театральных студий. Работа Ч. в кино, начатая им ещё в СССР («Человек из ресторана»), была продолжена в Германии и в США («Зачарованный», «Рапсодия» и др.). Итогом творческого опыта Ч. явилась книга «О технике актёра» [подробнее см. ТЭ].

* *Азарин* (наст. фам. Мессерер) *Азарий Михайлович* (1897-1937) – русский советский актёр. Засл. арт. РСФСР (1935). В 1918 поступил в студию Евг. Вахтангова. В 1919 перешел во 2-ю студию МХТ, одновременно играл в спектаклях МХАТа. В 1925-36 работал в МХАТе 2-м. Искусству А. – блестящего комедийного актёра – были свойственны тонкий юмор, весёлость, умное озорство. Созданные им образы отличались жизнеутверждением, оптимизмом, глубиной, лиричностью, теплотой. В МХАТе 2-м начал режиссёрскую деятельность. С 1936 работал в Малом т-ре, Московском т-ре им. Ермоловой и Центральном т-ре Красной Армии [подробнее см. ТЭ].

** *Берсенев* (настоящая фамилия – Павлищев) *Иван Николаевич* (1889-1951) – русский советский актёр и режиссёр. Нар. арт. СССР (1948). Профессиональную сценическую деятельность начал в Киеве (1907) под руководством К. А. Марджанова. Затем играл в Одессе, Виннице, Екатеринодаре. В 1911 был принят в труппу МХТ. Огромное значение в формировании актёрской индивидуальности Б. имел В. И. Немирович-Данченко, открывший в нём талант характерно актёра. Созданные Б. на сцене МХТ образы отличались остротой характеристик, чётким и выразительным рисунком, разнообразием сценических красок. С 1924-36 Б. был актёром, а с 1928 одновременно и худ. руководителем МХАТа 2-го. В 1936-38 работал в Т-ре им. МОСПС, с 1938 худ. руководитель и ведущий актёр Московского т-ра им. Ленинского Комсомола. Б. вёл педагогическую работу (профессор ГИТИСа), снимался в кино (Карташов – «Великий гражданин») [подробнее см. ТЭ].

*** *Бирман Серафима Германовна* (1890-1976) – советская актриса и режиссёр. Нар. арт. РСФСР (1946). С 1911 в МХТ, затем в МХАТе 2-м, в 1938-58 в Московском т-ре им. Ленинского Комсомола, с 1959 в т-ре им. Моссовета. Основные особенности искусства Б. – публицистический темперамент, чёткость психологического решения образа, острота сценической формы. Снималась в фильме «Иван Грозный» и др. Вела педагогическую работу [подробнее см. СЭС, ТЭ].

**** *Сук Вячеслав Иванович* (1861-1933) – советский дирижёр, композитор. Нар. арт. РСФСР (1925). Сыграл большую роль в развитии советской музыкальной культуры. *Голованов Николай Семенович* (1891-1953) – дирижёр, пианист, композитор, Нар. арт. СССР, д-р искусствоведения (1943). С 1915 в Большом театре, в 1948-53 гл. дирижер, в 1937-53 худ. рук. Большого симфонического оркестра Всесоюзного Радио. Выступал как аккомпаниатор с А. В. Неждановой. Профессор Московской консерватории (с 1925). Гос. премии СССР (1946, 1949, 1950, 1951) [см. СЭС].

сро, С. И. Мигая – Фигаро, Жоржа Жермона, Е. А. Липковскую – Виолетту, Розину, О. И. Стрельцова – Германа.

Мне очень хотелось поступить в московскую театральную школу, но я попадала в Москву весной, когда приёма не было, да и робела я очень, хоть мои московские знакомые предлагали помочь мне в этом, познакомив с ведущими работниками театров.

В тысяча девятьсот двадцать шестом году мой брат окончил школу и поступил в Ленинградский политехнический институт. Я решила тогда, что будущее мамы обеспечено, и я могу распорядиться собой более свободно. Дальнейшее успешное обучение брата ещё более успокаивало.

В декабре 1927 года Зоя Павловна Чайка поставила на наших курсах вечер памяти А. С. Пушкина. На этом вечере с исполнением вокальных произведений на тексты А. С. Пушкина выступали наши нижегородские певцы: Юра Дойников (впоследствии артист оперного театра им. К. С. Станиславского в Москве), В. П. и А. А. Гаврины, М. К. Бутакова и В. Шабанова.

Читались стихи о Пушкине. Я выступила с отрывком из «Русских женщин» Н. А. Некрасова.

На этот вечер мы с Зоей Павловной ходили приглашать Г. А. Яворовского*, бывшего в то время директором Нижегородского Театрального техникума. Он читал «Юбилейное» В. В. Маяковского. И во время этого вечера Зоя Павловна меня «посватила» Георгию Аполлинарьевичу, то есть спросила, возьмёт ли он меня в Театральный техникум. Он ответил утвердительно.

В том же году, с детства мне знакомая Таня Рождественская**, окончив привлекавший меня техникум, поступила в наш Театр драмы и очень мне понравилась в спектакле «Луна слева» Биль-Белоцерковского.

В эти годы театр организовывал продажу ученических билетов и постановку общедоступных спектаклей. Конечно, это облегчило для нас посещение любимого театра, а его артисты стали нашими кумирами. Очаровала меня Мария Ивановна Жвирблис*** – Настасья Филипповна в «Идиоте» Достоевского, Маша в «Грехе» Винниченко. Прекрасные актёры, воспитанники Александринского театра: Г. И. Горелов, А. С. Любош и А. П. Хованский**** также покоряют нас в этих спектаклях. Во многих

* *Яворовский Георгий Аполлинарьевич* (1893-1970) – выпускник, а впоследствии педагог и директор Нижегородского Театрального техникума.

** *Рождественская Татьяна Петровна* (1905-1969) – выпускница Нижегородского Театрального техникума (1927), одна из ведущих актрис Горьковского театра драмы, Засл. арт. РСФСР (1949), в одно время с автором преподавала мастерство актёра в параллельной группе Горьковского Театрального Училища.

*** *Жвирблис Мария Ивановна* (р.1882) – русская советская актриса. В 13 лет на сцене Малого театра исполнила роль Анютки («Власть тьмы»). В 1902-1906 была актрисой Малого театра. С 1906 г. в течение 30 лет выступала в провинции: в Саратове, Казани, Киеве, Одессе, Самаре, Харькове и др. городах. Большое влияние на развитие сценического дарования Жвирблис оказала её совместная работа с режиссёрами Н. Н. Синельниковым, Н. И. Собольчиковым-Самариным, актёрами Н. М. Радиным, С. Л. Кузнецовым, И. А. Слоновым. Обладая красивой внешностью, сильным голосом, большим темпераментом, Ж. играла драматические и героические роли. Пылкостью, искренностью, изыщной простотой явственно отмечено её исполнение ролей Марии Стюарт, Катерины («Гроза»), Ларисы («Бесприданница»), Анны Карениной; Катрин («Мадам Сан-Жен» Сарду), Любви Яровой, Клары («Страх» Афиногенова) и др. В 1933 Ж. вернулась в Москву: играла в Драматическом театре (рук. В. С. Смышляев), в т-ре «Комедия» (рук. В. Я. Станицын). Снималась в кино. Вела педагогическую работу (в театр. школах и студиях Казани, Киева, Одессы и др. городов. Оставила сцену в 1952 [ТЭ]).

**** *Хованский Александр Панкратьевич* (1890-1962) – русский советский актёр. Нар. арт. РСФСР (1954). Творческую деятельность начал в 1908 в Архангельском театре, затем служил в Вильнюсе, Владивостоке, Воронеже, Петроградском академическом театре драмы, Саратове. Сыграл роли: Чацкого, Незнамова, Карандышева, Жадова, Хлестакова, Фердинанда, Барона, Шванди. С 1933 – в Центральном театре Красной Армии (потом ЦТСА); в 1944-46 одновременно работал в МХАТе [ТЭ].

ролях удалось увидеть Николая Ивановича Соболящикова-Самарина*. До сего дня живут во мне воспоминания о его исполнении роли Несчастливцева в «Лесе», и особенно Лыняева и Прибыткова. Фраза «Этот поцелуй дорогого стоит» Флора Федулгыча до сих пор звучит в ушах...

Появилась на нашей сцене очаровательная артистка Александра Ивановна Семёнова, исполнявшая роли молодых девушек и характерные роли. Не забыть её Маньку во «Вредном элементе» В. Шкваркина и слепую Габриэль в «Любви Жанны Ней» И. Эренбурга.

В те годы актёры долго не задерживались в одном городе: один-два сезона, и актёр уехал – искать новых режиссёров, новых условий работы и нового зрителя.

ГЛАВА 3

Впечатление от игры артистов МХАТ.

Поступление в Театральный техникум. Музыка и танцы

В тысяча девятьсот двадцать восьмом году моя поездка в Москву была особенно удачной. Очень сильное впечатление получила я от двух вечеров памяти Ф. М. Достоевского. Один из них проходил в Политехническом музее, в нём участвовали прекрасные актёры Орленев** – Раскольников, Степан Кузнецов*** – Мармеладов. Во втором вечере на

* *Соболяшков-Самарин Николай Иванович* (1868-1945) – русский советский театральный деятель, режиссёр, актёр, педагог. Нар. арт. РСФСР (1934). Род. в семье крестьянина. Выступал в любительских спектаклях. С 1883 играл и режиссировал на клубных сценах Петербурга и его пригородов. Работал в Петрозаводске, Тихвине, Н. Новгороде и др. городах. В 1892 был актёром и режиссёром Петербургского Василеостровского т-ра для рабочих. В 1897, арендовав новое театральное здание, построенное в 1896 году нижегородским гор. управлением С.-С. становится антрепренёром. Он стремится поднять уровень театрального иск-ва в провинции, создавать идейно и художественно значительные спектакли, крепкий актёрский ансамбль. Основу репертуара в его театрах составляла классика и лучшие совр. пьесы. В 1898 С.-С. организовал бесплатные спектакли для рабочих в Сормове. В сезон 1899-1900 он арендовал т-р в Астрахани. Стремясь привлечь нового рабочего зрителя, устраивал спектакли по сниженным ценам. В 1901-1907 С.-С. создал оперную и драм. труппу в Саратове и Казани, и совершил с ними гастрольные поездки по многим городам России. Одним из первых поставил в провинции «Вишнёвый сад». С.-С. был активным пропагандистом драматургии Горького и на протяжении всего творческого пути включал пьесы Г. в репертуар своих т-ров. Он поставил все пьесы Чехова, 15 пьес Островского. После революции С.-С. стал одним из активных строителей советского т-ра. В годы Гражданской войны организовывал спектакли для рабочих и красноармейцев в южных прифронтовых городах, создавал здесь нар. т-ры. В 1924 возвратился в Н. Новгород, где работал до конца жизни, сначала как актёр и режиссёр, затем худ. руководитель и консультант. Здесь он поставил: «Ярость» Е. Яновского (1929), «Страх» Афиногенова (1932), «Бойцы» Ромашова (1934), «Таня» Арбузова (1938) и др., из произв. классич. драматургии: «Горе от ума» (1937), «Гамлет» (1937), «Зимняя сказка» Шекспира (1940). Самая крупная реж. работа С.-С., сохранявшаяся в репертуаре т-ра в течение многих лет (с 1903) – «Мещане». Сыграл много прекрасных ролей. Написал немало удачных инсценировок, пьес-сказок и пр. Деятельность С.-С. во многом способствовала выдвиганию Нижегородского (затем Горьковского) театра в число лучших т-ров сов. периферии [см. более подр. ТЭ].

** *Орленев Павел Николаевич* (1869-1932) – русский актёр, Нар. арт. республики (1926). На сцене с 1886, гастролировал по городам России. Прославился исполнением трагедийных ролей: Фёдор («Царь Фёдор Иоаннович» А. Толстого), Раскольников («Преступление и наказание» по Ф. М. Достоевскому), Освальд («Привидения» Г. Ибсена) [СЭС].

*** *Кузнецов Степан Леонидович* (1879-1932) – русский советский актёр, Нар. арт. республики (1929). На сцене с 1901. В 1908-1910 работал в МХТ, потом много работал в провинции (Киев, Одесса, Харьков и др.). С 1925 в Малом театре. Мастерство перевоплощения позволяло К. разрушать рамки ампула. К тому

сцене Второго МХАТа игралось много сцен из «Братьев Карамазовых». В них были заняты: Федор Павлович – В. В. Лужский, Иван – В. И. Качалов, Алеша – Ю. А. Завадский*, Лиза – Л. М. Коренева, Смердяков – Н. П. Хмелёв, Фетюкович – И. Н. Берсенев.

Особенно ярко запомнилась сцена Ивана Карамазова и Смердякова (Качалова и Хмелёва), и речь, произнесенная Берсенывым на суде.

Осенью этого же года, обуреваемая волнениями и сомнениями, иду я в Грузинский переулок, чтобы подать заявление в Нижегородский Театральный техникум. Вместе со мной в канцелярии оказалась молоденькая девушка, которая сразу мне понравилась. С ней вместе, по приказу строного Петра Аркадьевича Кожухина, мы заполнили огромную, на четырех страницах, анкету и пошли вместе вниз по Большой Покровке, рассказывая друг другу о себе и о своем желании попасть в Техникум. Звали её Мария Прокопович**, и мне кажется, уже тогда было предначертано, что мы останемся друзьями на всю жизнь.

1928 год. Аля Агапова

К поступлению я готовила басню «Разборчивая невеста» и отрывок из рассказа А. П. Чехова «Степь», что же касалось стихов, то я знала их наизусть великое множество.

Экзаменовать нас решили по-новому: чтобы узнать поступающих лучше, занимались с нами собеседованиями, танцем, испытанием музыкальных способностей (чего я отчаянно боялась); Г. А. Яворовский, беседуя с нами, спрашивал, почему мы избрали именно этот путь. Никогда не забуду, как Клюева объявила: «У нас стояли артисты. Жизнь у

же он был выдающимся мастером грима. Им сыграно множество ролей в пьесах русских и зарубежных авторов. К. был первым исполнителем роли матроса Шванди («Любовь Яровая» К. Тренёва) [СЭС, подробнее см. ТЭ].

* *Завадский Юрий Александрович* (1894-1977) – русский советский режиссёр, актёр, педагог, театральный деятель. Нар. арт. СССР (1948). Учился в Московском университете; в 1915 поступил в Студию Е. Б. Вахтангова, где был сначала художником, затем актёром и режиссёром. В 1924 – 31 – актёр МХАТа. В 1924 основал студию, реорганизованную в 1927 году в Театр-студию под рук. Завадского. В 1932-35 – худ. рук. Центрального Театра Красной Армии. С 1940 – гл. реж. Театра им. Моссовета. Пост.: «Трактирщица» Гольдони (1940), «Отелло» Шекспира (1944), «Маскарад» Лермонтова (1952, 1964), «Шторм» Билль-Белокерковского (1967), «Петербургские сновидения» по Достоевскому (1969), и др. Создал первые роли – Антоний («Чудо св. Антония» Метерлинка, 1916), Калаф («Принцесса Турандот» Гоцци, 1922) – под руководством Вахтангова, З. воспринял от него стремление к изящной театральной форме, праздничности, лёгкости сценического представления. Спектакли Завадского отмечены чувством современности, тонким психологизмом. С 1947 проф. ГИТИСа. Лен. пр. (1965), Гос. пр. СССР (1946, 1951) [СЭС, более подробно см. ТЭ].

** *Юрикова-Прокопович Мария Антоновна* (1912-1993) – выпускница 1931 г. Нижегородского МузТеа техникума. В 40-х годах – ведущая актриса Горьковского Областного Театра драмы, позднее актриса Московского Театра им. Ленинского Комсомола и Академического Малого театра.

них весёлая!» Желаящих поступить было много, но уж очень низка была культура большинства. Я была и постарше многих девушек, много видела хорошего в театре, много читала. Не зря старшая сестра звала меня «книжным червем».

Иногда Георгий Аполлинарьевич заставлял некоторых из нас что-нибудь прочесть. Хорошо помню, как Маша Прокопович читала басню «Осёл и соловей». Меня поразила красота её голоса. Понравилось мне чтение Нины Бельской («Умиравший гладиатор» М. Ю. Лермонтова) и Зины Шерстневской (бой с барсом из «Мцыри»). Пожалуй, я тогда не ошиблась – из них вышли незаурядные артистки, занимавшие большое положение в театрах.

Больше ничего чтения не помню. Да, может быть, и не слышала, так как часть поступающих занималась в это время танцем или физкультурой.

Кажется, в один день с Бельской и Шерстневской и я прочла свою «Невесту». Георгий Аполлинарьевич сказал, что больше ничего не надо. Этуд у меня, по словам подглядывающих второкурсников, прошёл хорошо: я собирала землянику в лесу, раздвинула кусты, а там змея! Помню также этюд Нины Бельской: она читает интересную книгу на нашей малюсенькой сцене и вдруг чувствует запах дыма, он ещё слабый, но становится всё сильнее, и когда она распахивает дверь, ей в лицо огонь! До чего хороша собой она была – черноглазая, с вьющимися волосами! Этюдов Маши и Зины я не видела.

1930 год.
Аля Агапова
и Маша
Прокопович

Почему-то с нами при поступлении занимались ещё и математикой. Тут я была лучшей, так как остальные были уж очень плохи.

Но вот Лидии Ивановне Гостевой*, известной балерине города, преподававшей в техникуме танец, и Александру Абрамовичу Когану, преподававшему музграмоту, я явно не понравилась. Я совершенно не слышала музыки от страха, когда танцевала «соло» и, конечно, не могла вызвать сочувствие Л. И. Гостевой. Видимо, она сочла меня лишенной чувства ритма. Семёна Фишман, который, как председатель профкома, был на педсовете, обсуждавшем поступающих, спросил, как моя фамилия, и сообщил мне, держась по обыкновению за мою пуговицу, что обо мне было много разговоров. Однако меня приняли, как сказал тот же Фишман, «ради прекрасных глаз».

Когда же А. А. Коган пришёл на первый после зачисления урок, то разочарованно сказал: «Ну вот, приняли как раз тех, против кого был я!» Мне показалось, что это относится главным образом ко мне!

* Гостева Лидия Ивановна – солистка балета Горьковского театра оперы и балета, преподаватель танца в Нижегородском театральном техникуме.

*«Вечер знакомства». Педагоги и ученики. Физкультура и танцы.
Специальные предметы. Первые этюды*

В первый месяц занятий был проведен «Вечер знакомства с новичками», то есть с нами. Проводили вечер окончившие в этом году так называемые ФЭКС'ы*: Коля Синёв** и Вася Игошин. Про судьбу Васи, к сожалению, ничего не знаю, а с Колей я до сих пор в переписке. Он живет в Киеве, написал две книги о своей жизни и деятельности: одну на украинском, а другую на русском языке «В жизни и на эстраде». На вечере было очень интересно и весело. В викторине я выиграла второй приз: роскошную коробку с сотней папирос. Тут у меня появилась масса «друзей»!

Ученье шло своим чередом. Очень трудно давались мне танец и, особенно, физкультура. А преподаватель её Александр Константинович Поддымников был человек необыкновенно требовательный, хотя и справедливый.

Целыми днями (первое время мы учились по вечерам) я занималась дома движениями танца. Кумиром моим была Зоя Сюзева (впоследствии помощник режиссёра в МХАТе), все упражнения в её исполнении выглядели особенно красиво и поэтично. Мне удалось кое-чего добиться и в физкультурных упражнениях (я оказалась очень гибкой), но прыжки, турник и брусья вызывали у меня дикий страх и скованность, которые я так и не преодолела. Нам сделали очень серьезный медосмотр, но только через год я узнала, что у меня невроз сердца и бегать, прыгать мне было нельзя. Страшно боялась я отчисления из-за физкультуры, но этого не произошло.

Фехтование преподавал у нас совершенно очаровательный Владимир Николаевич Домашнев. Он был полный и уже немолодой, но подвижный, лёгкий, изящный. Меня он называл «Белль Эллен». Я его не стеснялась, и дело как будто шло.

Об уроках Георгия Аполлинарьевича вспоминают все выпускники, поэтому я буду краткой, но пройти мимо этого человека, давшего мне очень много, я не могу. Он занимался с нами техникой речи, читал курс «Современные театральные течения» и преподавал режиссуру. По режиссуре мы делали доклады о постановках современных великих режиссёров. Тогда их было немало! Произведения, которые мы готовили для чтения, их содержание и исполнение разбирались всем курсом.

Незабвенный Николай Арсеньевич Саввин – «трагос» было его прозвище! И в самом деле, он был похож на козлика – небольшой, сухонький, седой с острыми серыми глазами. Он читал историю театра, был большим чудачком. В нашем классе стояла лестница-стремянка, на которую он любил взбираться во время урока и, сидя наверху над нами и обвив руками палку, слушал с закрытыми глазами вызванного ученика. Тот плёл что-то невнятное и, зайдя в тупик, замолкал. Тогда глаза, казалось, спящего Николая Арсеньевича мгновенно открывались, и он спрашивал: «Всё?» Ученик нерешительно соглашался, тогда преподаватель говорил: «Не в коня корм», или «Выше лба не прыгнешь» – и переходил к следующему ученику. Помню, как я гордилась, когда после рассказа содержания трагедии Софокла «Эдип» он сказал мне: «Рассказываете вы толково». Когда он задал нам приготовить доклады по пьесам Шекспира,

* «Фабрика эксцентрического актёра» Техникума. «ФЭКС» (Фабрика эксцентризма) – творческое объединение, существовавшее в Петрограде в 1921–24. Основатели – Г. М. Козинцев, Г. К. Крыжницкий, Л. С. Трауберг [более подробно см. ТЭ].

** Синёв Николай Михайлович – выпускник 1928 года Нижегородского Театрального Техникума, прошёл почти полувековой путь артиста эстрады – рассказчика и конференсье. Автор книги «В жизни и на эстраде» (Записки конференсье). Киев, «Мистецтво», 1983.

я выбрала «Гамлета», прочла массу книг, страшно волновалась, делая доклад, но мне показалось, что Николай Арсеньевич ждал от меня большего, и очень была огорчена. А как интересно рассказывал он о Гансе Саксе*! Но самое сильное впечатление оставил у меня его разбор «Бесприданницы», которую называл он листопадом барства. Всегда он обсуждал с нами спектакли театра, добиваясь наших высказываний, и без лицепрятия оценивал работу ведущих актёров.

Помню его строгий разбор исполнения «Грозы» на нашей сцене (1931 год). Кажется, одобрение у него получил только А. Г. Георгиевский, который замечательно играл Тихона. Это было уже перед окончанием техникума.

Политическую экономию преподавал нам Василий Корнеевич Демидов. Он очень хорошо рассказывал и предлагал нам вопросы, на которые дома мы должны были самостоятельно отвечать. Я с интересом занималась этим предметом, и мои тетради пользовались некоторым «спросом» на курсе.

Раз одна из учениц взяла у меня тетрадь и очень долго держала её у себя. Мне пришлось попросить её вернуть мне тетрадь. Она принесла, а после проверки тетрадей Василий Корнеевич сказал ей, что часть задания у неё толково написана (то, что она успела списать у меня), а дальше идёт что-то непонятное. Она объяснила, что толково она писала до обеда, а после обеда что-то у неё не получилось. Это насмешило всех нас.

Ничего я пока не сказала о преподавании главного предмета – «спецпрактика», как он тогда назывался. На первом курсе вел её у нас Борис Александрович Борский. Занимались мы этюдами и отрывками из пьес. Борис Александрович считал, что я «гранд-дам» (по низкому голосу) и дал мне играть Василису в «На дне» и городничиху в «Ревизоре». По собственному желанию мы с Шаталовым приготовили сцену из «Романтиков» Ростана. Моё исполнение роли Сильветы Борский одобрил, но сказал, что мне надо играть леди Мильфорд, а не Сильвету.

Весной нас «принимал» Николай Александрович Левкоев** на третьем курсе, со студентами которого я очень дружила, бежала на репетиции «Шторма» и «Детей Ванюшина», их дипломных спектаклей. Левкоев сказал нам, чтобы мы приготовили этюды «без слов», т.е. такие, где не надо было говорить. Я придумала этюд на тему картины Касаткина «Кто», где солдат, вернувшийся с царской службы, видит на руках своей жены ребенка и грозно спрашивает ее: «Кто?» В нашем этюде сестра моя, молоденькая девушка (ее играла М. Прокопович) отвечает: «Мой», спасая сестру, как Надежда в драме Мея «Псковитянка». Мы сказали Николаю Александровичу, что одно слово «мой» нам необходимо произнести. Левкоев наш этюд понравился, он только жалел, что мы не говорили ещё, когда нам хотелось и было необходимо.

* Сакс Ганс (1494-1576) – немецкий поэт-мейстерзингер.

** Левкоев Николай Александрович (1891-1982) – русский советский актёр, режиссёр, педагог. Нар. арт. РСФСР (1949). В 1919 поступил в киевскую драм. школу под рук. В. В. Сладкопепцева, в 1920 был принят в труппу Театра им. В. И. Ленина (Киев). С 1924 работал в театрах Житомира, Одессы и др. В 1927 был приглашён Н. И. Соболевичковым-Самариным в Театр Драмы Нижнего Новгорода, где проработал свыше 35 лет. Наблюдательность, богатый жизненный опыт, щедрый народный юмор, богатство выразительных деталей придают лучшим сценическим образам Левкоева неповторимое своеобразие. Лучшие роли: Перчихин («Мещане»), Расплюев («Свадьба Кречинского»), Левшин («Враги»), Чугунов («Волки и овцы»), Кулигин («Гроза»), Шут («Сон на Волге» Островского). А. играл роль В. И. Ленина в спектаклях «Человек с ружьем», «Кремлёвские куранты». Занимался режиссурой (участвовал в пост. Соболевичкова-Самарина «Мещане», «Дворянское гнездо» и др.) С 1931 ведёт педагогическую деятельность в Театральном техникуме (потом училище), в 1943-48 – худ. рук. студии при Горьковском областном т-ре Драмы им. Горького. Автор книги «Глазами артиста», Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1986 [см. ТЭ].

Федя Блотнер, игравший «мужа», сказал мне, что я очень понравилась Левкоеву (он ведь выходил на сцену в конце этюда и имел возможность наблюдать за Николаем Александровичем), что у меня «было очень выразительное лицо».

ГЛАВА 5

Летняя практика. Автограф Качалова. Знакомство с Ангелиной Осиповной Степановой. Москва и Крым

Итак, мы перешли на второй курс. наших мальчиков взяли в поездку с девочками второго курса. Нам же был предоставлен отпуск, после практики. Мы с Зоей Сюевой работали у Кожухина в клубе строителей на Покровке (теперь Дом медроботника).

В конце июня тысяча девятьсот двадцать девятого года во вновь построенном Дворце культуры имени В. И. Ленина гастролировала группа актёров МХАТ во главе с В. И. Качаловым, который играл в одном только спектакле – «У врат царства» К. Гамсуна. Я смотрела этот спектакль в третий раз, мне он бесконечно нравился... И Василий Иванович, и К. Н. Еланская, и Йервен – В. А. Синицын, и Бондсен – В. Я. Станицын. После окончания спектакля я, неистово хлопая, подбежала к самой рампе и стояла совсем рядом с Качаловым. Он улыбнулся, я видела глубокую складку лба и синие-синие глаза сквозь пенсне. 2 июля из дома я взяла с собой пьесу «У врат царства» и решила попросить у Качалова автограф. Встретила артистов на Покровке. Качалов был не один, а с другими актёрами. Я услышала, что они решили сходить в душ, который был тогда на месте гостиницы «Москва», иду вслед за ними и слышу, как Еланская спохватилась, что после душа ей понадобится пальто, и Василий Иванович вызвался сходить за ним. Я бросилась вслед за ним к гостинице «Россия» (на площади Минина) и на бегу вынула из кармашка своего жилетика ключ от квартиры, чтобы не потерять его. Я догнала Качалова у сада, где теперь памятник Минину. Запыхавшись, обратилась к нему с просьбой надписать мне книгу. Он с готовностью взял в руки пьесу и протянул руку за карандашом (он принял за него ключ, он ведь очень был близорук!). Когда я объяснила ему, что это не карандаш, он пригласил меня прийти к нему в гостиницу завтра, но я не решилась.

Следующим совершенно очаровательным спектаклем был «Лев Гурыч Синичкин», с него я ехала в трамвае вместе с актёрами МХАТ, и мне посчастливилось сесть рядом с А. О. Степановой, игравшей Сурмилову. Мы разговорились, и я узнала, что Василий Иванович уже уехал в Казань, где продолжают их гастроли, а она уезжает завтра утром, и пригласила меня прийти к ней в гостиницу. Следующий день 4 июля был дождливый, я принесла Ангелине Осиповне букет васильков. Она дала мне свой московский адрес, с тем, чтобы я пришла к ней, когда поеду в Крым через Москву. Я говорила, что мне хотелось бы учиться в Москве, и она обещала помочь. Скоро пришёл её муж, Н. М. Горчаков*, необыкновенно обаятельный человек, он привёл извозчика, на котором они поехали к пароходу.

В. Качалов в роли Ивара Карено («У врат царства»)

* Горчаков Николай Михайлович (1898-1958) – русский советский режиссёр и педагог, театровед.

Ангелина Степанова

Николай Горчаков

Они уселись в пролётку с поднятым верхом (из-за дождя), и Ангелина Осиповна махала мне васильками.

Посмотрела я ещё очень приятно разыгранный водевиль В. Катаева «Квадратура круга» и «Шоколадного солдата» Б. Шоу.

И вот, закончив практику в клубе, я отправилась отдохнуть в Крым. По дороге туда я заехала в Москву и побывала дома у А. О. Степановой, где на стене в её комнате висела громадная чудесная её фотография. После этого я встретилась со своей сестрой Верой и братом Юрой, у которого была практика на Центральном телеграфе, и жил он в общежитии неподалёку. Втроем ездили мы на Воробьёвы горы и смотрели какой-то хороший фильм в клубе на Софийке. Когда мы вышли из кино, нам всем надо было в разные стороны, и Юра попытался вскочить на ходу в проходивший мимо трамвай, но его отбросило, хорошо, что не под прицеп. Этот случай произвел на меня очень тяжёлое впечатление. На другой день они провожали меня на симферопольский поезд. Последний раз в жизни я видела своего нежно любимого брата!

Прогостив некоторое время у маминой подруги в Симферополе и побывав у её родных в Евпатории, я отправилась в Севастополь, где жила на туристской базе, которая помещалась на Историческом бульваре. В Севастополь я влюбилась на всю жизнь. Тогда, конечно, он был простенький, не такой нарядный, как отстроенный после войны, но Приморский бульвар был и тогда, и я бродила по нему с наслаждением.

Посетила «памятные места»: вокзал, где в депо служил механиком мой дед, гимназию, где училась мама, искала на кладбище могилу прабабушки, но не нашла. Я представляла себе маму маленькой девочкой, пробегающей по этим поднимающимся в гору улочкам, ездила с экскурсиями на Братское кладбище, в Херсонес, ходила в Панораму и уже одна ездила в Балаклаву, к Георгиевскому монастырю. Навсегда остались в душе эти места, воспетые в стихах Анны Ахматовой... С огорчением я покинула этот бело-золотой город у лазурной бухты и в открытом автобусе уехала в Ялту.

Извилины шоссе среди виноградников приводят к прославленным Байдарским воротам, откуда открывается вид Южного берега.

Помещение туристской базы в Ялте было значительно лучше севастопольского. Должно быть, бывшая гостиница. В большой комнате вместе со мной оказалось несколько нижегородских знакомых, с таким же тощим карманом, как у меня. Вместе мы совершаем пешеходные прогулки по Южному берегу, иногда возвращаясь в Ялту на катере (это было дешевле автобуса). От этих прогулок, от прелестных мест, виденных нами, оставались незабываемые впечатления. Помню, например, аметистовую воду у мыса Ай-Тодор с Ласточкиного гнезда. Мне тогда подумалось: уж если топиться, так только здесь!

Простившись с Ялтой и новыми друзьями, я направилась в Гурзуф где побродила по парку, посидела у дома Раевских под пушкинским кипарисом и, выкупавшись в прелестной бухточке под домом Чехова, где у Ольги Леонардовны (Книшпер-Чеховой) гостила А. О. Степанова (она мне рассказывала, что будет там), отправилась в Алушту, где провела несколько дней совсем одна, подымаясь в горы и пытаясь найти на горе Кастель бывшее имение маминых знакомых Головкинских*, где я гостила пятилетним ребенком. Из Алушты я вернулась в Симферополь, а оттуда в Москву.

ГЛАВА 6

Встреча с Е. С. Телешёвой. Подготовка к поступлению в Театр-Студию Ю. Завадского. Экзамен. Хлопоты с переводом

Приехав в Москву, я позвонила Ангелине Осиповне, и она назначила мне свидание в театре, где сказала, что договорилась с Е. С. Телешёвой**, которая согласилась меня послушать, и дала мне её адрес – один из переулков между Арбатом и Остоженкой (Метростроевской).

Придя в назначенный час к дому Лужских-Калужских, я несколько раз нажала кнопку звонка у калитки. Никто не открывал. Боясь опоздать, я толкнула калитку, она оказалась незапертой! Дом стоял во дворе, и тут на звонок появилась горничная в белой наколке и фартуке и провела меня к Телешёвой, которая лежала на кушетке, видимо, страдала тромбозом. Была это полная красивая русская женщина. Она сказала, что в моем распоряжении полчаса, и в моих интересах использовать это время, чтобы она могла получить представление о моих данных и дать мне совет.

Я начала читать: читала и «Кубок», и отрывок из «Русских женщин», и монолог с ключом из «Грёзы», монолог Веры Шелогини и стихи А. Блока.

Прослушав меня, она сказала, что учиться мне стоит, «хоть из меня и не выйдет актрисы, которая родится раз в десять лет» (я это очень

* Головкинский Николай Алексеевич (1834-1897) – русский геолог, принадлежавший к «сеченовскому кружку» ученых. Известен и как автор одного из наиболее полных и квалифицированных путеводителей по Крыму. Практическая деятельность Головкинского в области гидрогеологии Крыма связана с развитием артезианского дела. У себя в имении на Кастели Н. А. Головкинский установил комплекс приборов, названных им «почвенными дождемерами» и предназначенных для определения конденсации влаги в почве. Гостеприимную усадьбу Головкинского посещали многие известные русские ученые, в том числе А. О. Ковалевский, в будущем – академик, один из основоположников сравнительной эмбриологии и физиологии, а также эволюционной гистологии. [П. Тыглиянц, «Рабочий уголок» (путеводитель), Симферополь, «Таврия», 1986 / См. также СЭС/.

** Телешёва Елизавета Сергеевна (1892-1943) – русская советская актриса, режиссёр, педагог. Засл. арт. РСФСР (1933). Училась в драм. школе А. И. Адашева. В 1916 принята в труппу МХТ. В 1916-24 – актриса 2-й Студии МХАТа, одновременно играла в спектаклях МХАТа. Во МХАТе Т. вела режиссёрскую и педагогическую работу. Была одним из лучших педагогов, пропагандировала систему Станиславского. Преподавала в театр. школе при 2-й Студии МХАТа, в Студиях, руководимых Н. П. Хмельёвым и Ю. А. Завадским, в ГИТИСе, во ВГИКЕ [О ролях и постановках см. подробнее в ТЭ].

Елизавета Телешёва

*Анна Константиновна
Покровская*

ницей) произвело на меня неважное действие. Я ведь была очень робка и застенчива. Тогда я не знала, что Елизавета Яковлевна – родная сестра Сергея Яковлевича Эфрона, мужа Марины Цветаевой. У неё, наверное, было очень много причин для плохого настроения.

запомнила), и что у меня большой, хороший голос, который можно сделать «громадным». Тут же Елизавета Сергеевна поднялась, подошла к телефону и позвонила в Театр-студию Ю. А. Завадского*, где, по её словам, на днях должен был быть приём. Позвонив, она объяснила, когда и где это будет, и посоветовала мне пойти и оплатить экзамен. Поблагодарив её, я ушла.

Потом я позвонила Ангелине Осиповне. Она сказала мне, что Телешёва советует мне поступать, и прибавила, что поговорит с Завадским, который был её партнером в «Горе от ума» и «Женитьбе Фигаро», и попросит за меня.

Анна Константиновна Покровская**, директор Института Детского Чтения, приятельница мамы, у которой я всегда жила в Москве, послала меня с письмом к Елизавете Яковлевне Эфрон, которая преподавала в этой школе. Отрывок из «Русских женщин», так понравившийся Телешёвой, она забрала, монолог Катерины отвергла, сказав, что мне не играть Катерины (и она угадала!), более или менее её устроило пушкинское «Прощай, свободная стихия!»

Над ним мы и начали работать, а также над басней «Лиса», которая мне очень нравилась.

Должна сказать, что общение с этой очень хорошей, но несколько мрачной женщиной (видимо, неудач-

*Елизавета Яковлевна
Эфрон*

* *Завадского студия* – театральная студия, существовавшая в Москве в 1924 – 1936. Создана Ю. А. Завадским. Возникла на волне студийного движения 20-х годов. Педагогическую работу в студии, кроме Завадского, вели актёры и режиссёры МХАТа и Т-ра им. Вахтангова – Н. П. Хмельёв, Е. С. Телешёва, Н. С. Соколова, А. А. Орочко и др. В 1927 студия была реорганизована в Театр-студию под рук. Ю. А. Завадского. Работа в Театре-студии явилась серьёзной школой для молодых актёров и режиссёров – В. П. Марецкой, Н. Д. Мордвинова, Р. Я. Плятта, О. Н. Абдулова, И. С. Вульф и др. В 1936 студия была направлена в Ростов, составив основу труппы Ростовского т-ра им. Горького [о спектаклях см. подробнее в ТЭ].

** *Покровская* (урожд. Игнатъичева) Анна Константиновна (1877-1972) – дочь волжского капитана, детская писательница – популяризатор наук, в частности, подвигов полярных исследователей, профессор педагогических наук, организатор и директор первого в России Института детского чтения. В её московской мансарде в Сверчковом переулке часто собирались многие известные детские писатели – Б. Житков, С. Маршак, И. Халтурин и др.

К Елизавете Яковлевне приходил заниматься и другой нижегородец, Коля Филиппов, отлично читавший есенинское «Вечер чёрные брови насупил». Впоследствии он стал актёром театра им. Ермоловой. Я видела его там в роли Кузовкина в «Нахлебнике» Тургенева в 1941 году.

Наступил день экзамена. Помещение было невелико, сцена очень небольшая, зал был наполнен студийцами; знаю, что из педагогов были Ю. Завадский и Е. Я. Эфрон. Меня как будто бы экзаменовал поступающий со мной Сергей Бенкендорф – это был этюд для нас обоих. Он стал меня спрашивать, как я приобрела вкус к сцене, рассказала, что играла Митиль в «Синей птице» на Курсах иностранных языков и ещё что-то. Потом Завадский велел мне прочесть приготовленное. Я прочла Пушкина (хуже, чем всегда, по словам Елизаветы Яковлевны). Не помню, читала ли басню – она у меня шла хорошо...

Моя подруга, Люся Страксон, обещала мне, что пропишет меня у себя в Никитском монастыре, а то с жильем у меня не выходило...

Я сильно опаздывала на занятия в Техникум. Надо было доставать какую-нибудь врачебную справку и возвращаться в Нижний. Справку дала мне мамаина знакомая Мария Васильевна Самылина. Её муж Михаил Иванович вместе с Заломовым нёс знамя на Первомайской демонстрации в Нижнем.

Долго и с большим сомнением изучал эту справку Георгий Аполлинарьевич по моём возвращении в Техникум. Елизавета Яковлевна прислала мне в Нижний открытку о том, что я допущена к занятиям на испытательный срок. Написала я письмо Люсе, спрашивая её о возможности прописки, ответа нет, а дни идут, надо приступать к занятиям. Решаюсь ехать «на авось».

Рассказываю обо всем Г. А. Яворовскому и Н. А. Левкоеву. Оба желают мне успеха. Георгий Аполлинарьевич только пожурил за обман со справкой. Меня провожают любимые товарищи Маша Прокопович и Саша Малеев, тоже желают удачи.

ГЛАВА 7

Фиаско с квартирой. Занятия в студии. Столичные педагоги. Этюды. Красная площадь... Необходимость отъезда из Москвы

И вот я в Москве. Отдав свой большой багаж в камеру хранения, иду к Люсе на работу, чтобы узнать о прописке. Она сообщает, что их переписали, будут выселять и прописаться невозможно, почему – она не ответила своевременно... трудно сказать. «Весть, как гром, упала», и я бегу в Институт Детского Чтения, где всегда я находила приют у Анны Константиновны Покровской. Здесь ждал меня новый, ещё более сильный удар: институт расформирован, читальня и другие служебные помещения, где я ночевала, бывало, на столах, превращены в квартиры. Выяснилось также, что другая мамаина приятельница, Мария Сергеевна Карасева, отдала половину своей большой комнаты на Калужской студенту, который жил раньше в тёмной прихожей. Кроме того, у неё живет племянница, Алёнушка Левенфиш из Ленинграда, впоследствии директор Павловского музея. Я сделала попытку сходить к моим ялтинским приятелям: брату с сестрой, которые усиленно приглашали меня к себе в гости, но там дальше прихожей меня не пустили, и я, не заикнувшись о моей беде, ушла.

Занятия в Школе с нами, «испытуемыми», проходили в клубе айсоров на Сретенском бульваре, очень близко от Анны Константиновны, куда я иногда ходила обедать. Бывшие сотрудники Института Детского Чтения, жившие в этом доме, питались коллективно в большой кухне, помещавшейся в подвале. Но молодая женщина, ведающая этим питанием, тихонько, но решительно заявила мне, что мой обед тяжело ложится на бюджет Анны Константиновны, так как я прихожу не каждый день, и

к тому же без предупреждения. Обед, конечно, не пропадает, кто-то его ест, но зачем это Анне Константиновне?! Я, ужасно сконфуженная, сказала, что больше ходить обедать не буду, к большому удовлетворению этой молодой особы.

В Москве было много соблазнов, а мама могла посылать мне только тридцать рублей в месяц. Много денег брали и мои скитания по Москве, я ночевала то тут, то там, и мои вещи продолжали оставаться на вокзале, как оказалось впоследствии, уже на складе. Обедала я не каждый день, а раза два в неделю (крымские обычаи!), а деньги часто тратила на пирожки в «О. Гурмэ», что было очень легкомысленно.

В это время я хорошо познакомилась с друзьями Анны Константиновны – Иваном Ивановичем Халтуриным и Борисом Степановичем Житковым. Халтурин был главным редактором журнала «Пионер», а Борис Степанович – замечательный детский писатель и, к тому же, очень приятный человек. Однажды Б. С. Житков, получив какой-то неожиданный гонорар, катал нас с Анной Константиновной по вечерней Москве.

В Школе мне очень нравились занятия с Николаем Дмитриевичем Мордвиновым*, очень обаятельным человеком и прекрасным актёром, которого я уже видела в «Простой вещи» Б. Лавренёва на гастролях в нашем нижегородском театре. Он был в нашей группе основным преподавателем. Николай Дмитриевич очень поэтично и образно говорил нам о творчестве великих актёров Качалова и Леонидова**. Ему казалось, что Василий Иванович является глашатаем светлых, наиболее гуманистических чувств и сторон человека, «он творит из груди, от солнечного сплетения, из человеческого сердца!». В творчестве же Леонида Мионовича его герои раскрывают тайные стороны человека, «в этом как бы участвует низ живота». Рассказывал он и о том, как однажды, когда он играл роль полковника белой контрразведки в «Простой вещи», его чуть не застрелил один бывший военный, контуженный во время Гражданской войны. Потом этот человек пришёл за кулисы извиняться и сказал: «Точно такой же пытал меня в восемнадцатом году!». Это было наивысшей, но слишком опасной похвалой его исполнению роли.

Николай Мордвинов

Учащихся в нашей группе было много, человек, верно, сорок. Среди них был наш нижегородец – Сережа Серебренников, знакомый мне по школе, в которой учился мой брат, и, после окончания школы, работавший электриком в нашем нижегородском театре. Помню, он сделал у Мордвинова очень хороший этюд, играя приказчика в обувном магазине. Этюд понравился и Николаю Дмитриевичу. Впоследствии многие из учившихся тогда со

* *Мордвинов Николай Дмитриевич* (р.1901) – русский советский актёр. Нар. арт. СССР (1949), дважды лауреат Гос. премии (1949 и 1951). В 1925 поступил в студию, руководимую Ю. А. Завадским, позднее играл в театре, выросшем на основе этой студии, в 1936-40 – в Ростовском т-ре им. Горького, с 1940 – в Моск. т-ре им. Моссовета. Свообразие индивидуальности М. – в особом поэтическом восприятии жизни. Актёра влекут к себе могучие, возвышенные, цельные характеры. Склонность к укрупнению чувств, мыслей героев определяет острый драматизм, стремление к героической трагедии в драматических ролях и к столь же острому и крайнему комизму – к буффонаде в ролях комедийных. Им сыграны роли главных героев в фильмах «Котовский» (1943), «Богдан Хмельницкий» (1942), «Маскарад» (1940) [более подробно см. ТЭ].

** *Леонидов Леонид Мионович* (1873-1941) – советский актёр, педагог, Нар. арт. СССР (1936), доктор искусствоведения (1939). На сцене с 1896. С 1903 в МХТ. Среди ролей: Дмитрий Карамазов («Братья Карамазовы» по Достоевскому), Плюшкин («Мертвые души» по Гоголю). Снимался в фильмах «Крылья холопа», «Гобсек» и др. С 1939 профессор ГИТИСа [СЭС].

мною, в том числе и Сережа, попали в театр-студию Н. П. Хмелёва, но Сережа потом ушёл оттуда и вернулся к своей профессии электрика. По слухам, он очень неудачно женился и в недавние годы умер от рака. Очень был приятный, простой и милый человек.

Больше всех из поступающих понравилась мне Клава Федорова, которая жила поблизости от Зубовской площади, с ней я и подружилась. Сблизило нас, прежде всего, внешнее сходство, на которое все обращали внимание. Чтобы ещё более подчеркнуть это сходство, я стала делать такую же причёску, как Клава. Так эта причёска, верно, у меня и останется до конца жизни, хотя, конечно, косы уже не те...

Учитывая это сходство, мы с Клавой придумали этюд: Клава – революционерка, которую разыскивает «охранка», она сидит на бульваре, чтобы передать связному что-то нелегальное, но её выследил «шпик», он уходит за жандармом, чтобы арестовать её, а она, заметив слезку, уходит; тут появляюсь я, чтобы отдохнуть в тени бульвара. Возвращается шпик с жандармом, меня арестовывают и уводят, несмотря на все мои уверения и протесты.

Николай Дмитриевич одобрил наш этюд, а мне сказал, что я его вполне убедила, но должна ещё что-то показать, так как моя роль в этом этюде была небольшой.

Очень хорошие отношения сложились у меня с Женей Багорской, работавшей после в студии Н. П. Хмелева, в Малом театре и театре Советской Армии. Эта была породистая девушка из хорошей московской семьи, очень красивая и интеллигентная. Она хорошо играла на рояле, и это широко использовалось в наших занятиях. Например, в занятиях с Ириной Вульф, как их назвать – пластикой, ритмикой, сценическим движением? Вернее всего, и тем, и другим. Подготовленная к ним Л. И. Гостевой, я была смелее, увереннее, справлялась с упражнениями неплохо. Женя садилась за рояль, и тогда, когда нам надо было пофантазировать под музыку или в чьем-нибудь этюде требовалась музыка.

Занятия с артисткой МХАТа Второго Е. П. Федоровой были интересны тем, что она стремилась и умела вызвать нас к активной деятельности. Хорошо помню, как она организовала горячий спор между мной и другой девушкой. Разговор шёл о Чацком и Онегине. Моя оппонентка утверждала, что Чацкий положительный герой, а Онегин – отрицательный. Я выступила горячим адвокатом Онегина, и сейчас удивляюсь, как я, застенчивая вообще, а в этих, неблагоприятных для меня обстоятельствах очень подавленная, так смело и как будто дельно сумела защитить Онегина.

Хочется рассказать, что в том же 1929 году вместе со студией Завадского я участвовала в Октябрьской демонстрации на Красной площади. Мне так повезло, что наша колонна прошла совсем рядом с Мавзолеем, и я отчетливо увидела всех вождей на его трибунах.

Поразило меня лицо Сталина, совсем непохожее на официальные портреты, сильно изрытое оспой и необыкновенного оливкового цвета. Климент Ефремович Ворошилов показался мне человеком незаурядного обаяния; благожелательным и приятным был Михаил Иванович Калинин, он располагал к доверию. Но всего замечательнее показались глаза Серго Орджоникидзе, сиявшие, как звезды. Этот человек мог вести за собой тысячи людей. Прочие вожди остались как бы на втором плане.

В конце испытательного срока должен был состояться «концерт», его завершающий, и каждый должен был показать какой-то «номер». Мы с Клавой подошли за советом к Жене Багорской, она сказала нам: «Вы обе очень гибкие, придумайте что-нибудь, чтобы это показать».

У одной моей знакомой была очень красивая игрушечная змея, которая извивалась, как живая. Она навела меня на мысль придумать и исполнить танец укротительниц змей! У Клавы дома мы сшили змею из старых чулок. Один поступающий согласился нам аккомпанировать. Сколько возможно, мы обнажились, то есть были в черных бюстгаль-

терах и трусах, на которые были нашиты пестрые лоскутки. Вероятно, было очень мало репетиций с музыкой, но, кажется, всё прошло гладко. И гнулись мы, как только могли! Е. Я. Эфрон сказала мне, что наш номер был не очень хорошего вкуса, «как рисунок на папиросной коробке», но, по-моему, далеко не всё показанное тогда было высокого вкуса. Она говорила, что меня, вероятно, всё же примут. Её очень подкупало однажды мною высказанное желание стать театральным педагогом.

Однажды Елизавета Яковлевна предупредила меня, что за обучение придётся платить десять рублей в месяц. Это совсем меня убило: мама не могла присылать мне больше тридцати рублей, а жить на двадцать рублей без квартиры было невозможно. И я поняла, что мне надо вернуться... Приняв это решение, я пошла посмотреть список принятых, вывешенный у кассы клуба на Сретенке (где был экзамен). Моя фамилия там была...

Своей нестойкостью, неумением бороться с трудностями, моей половинчатостью я очень огорчила маму и, наверное, Анну Константиновну. Провожать меня на поезд пошел милый, добрый Самуил Евгеньевич Цыпин, один из работников уже несуществующего Института Детского Чтения. Он, верно, понимал, как мне трудно, и хотел как-то поддержать меня. Да, я не выдержала первого большого испытания жизни...

ГЛАВА 8

*Возвращение в Нижний. Перемены в Техникуме.
Интересные концерты. Знакомство с В. Лебским.
Работа над ролью в пьесе «Ярость»*

Вернулась я, когда наш Техникум стал уже Музыкально-Театральным. Когда я пришла к Г. А. Яворовскому с разговором о возможности возвращения, он сказал, что теперь он не хозяин и я должна говорить с А. А. Коганом и что вряд ли это возможно, так как я перешла в актёрское учебное заведение, а наш Техникум теперь готовит «клубников», то есть режиссёров художественной самодеятельности.

Вероятно, он был прав, показав мне, что я не имела права пренебречь своим учебным заведением. При моей тогдашней подавленности мне стало совсем невыносимо после этого разговора. Вероятно, почти все мои товарищи не верили, что меня приняли, а думали, что я провалилась.

*Александр Абрамович
Коган*

С отчаянием в душе пошла я к Александру Абрамовичу, но тот разговаривал со мной очень сердечно и сказал, что, конечно, возьмёт меня обратно. Это и разговор с Н. А. Левковым, который тоже очень тепло отнёсся ко мне, немного ободрили меня. Но отношения с большей частью сокурсников стали холоднее. Им, возможно, казалось, что я зазналась, побывав в столичной школе, а меня мучило сознание того, что я провалилась на «главном экзамене».

Хочется отметить, что преподаватели Музыкального Техникума относились к пришельцам, то есть к нам, доброжелательно, ничем не показывая, что наше появление в их очень тесном помещении, где столько индивидуальных занятий, было им неприятно.

Леонид Николаевич Соколов стал заниматься с нами музграмотой. Вместе с «музыкальными» студентами мы занимались общеобразовательными предметами, а также выступали и

на концертах. Пианист Гриша Котон сочинял музыку для наших спектаклей. Георгий Аполлинарьевич получил возможность заниматься с нами мелодекламацией.

Для нас в небольшом двухсветном зале играли молодые Юрий Брюшков и Лев Оборин, пела Е. Антипова. Г. А. Яворовский организовал встречу с чтецом Александром Яковлевичем Закушняком*. Чтение этого мастера произвело неизгладимое впечатление на меня и моих товарищей.

Георгий Аполлинарьевич
Яворовский.

Помню, один из них, Александр Малеев**, впоследствии поступивший на сцену МХАТ, говорил мне: «Читал я Анатоля Франса, и ничего такого, что прочёл нам Закушняк, там нет!» В этих словах Саши не было сомнения в подлинности текста «Восстания ангелов», произносимого чтецом, а восхищение способностью чтеца раскрыть содержание произведения и донести его до слушателей.

Всем нам очень понравилась в том же исполнении новелла Ги де Мопассана «Каверза» с довольно рискованным содержанием, переданная исключительно тонко.

Я опоздала к началу учебного года, но, придя на занятия в Техникум, сразу увидела необычайно красивого мальчика... Это был Витя Лебский***, ставший впоследствии моим мужем.

В январе 1930 года нам стало известно, что Краевые организации хотят послать наш курс на обслуживание районов сплошной коллективизации нашего Нижегородского края. Кое-кто не мог ехать, так как работал, кое-кто – по состоянию здоровья.

Но мне даже не приходило в голову отказаться от этой поездки, пожалуй, казалось, что я должна хоть чем-то оправдать, заслужить своё возвращение.

В то время в театре шёл спектакль «Ярость»****, поставленный Н. И. Соболевичевым-Самариным. Чтобы быстрее приготовить спектакль, было решено ставить эту пьесу с мизансценами Николая Ивановича. Над спектаклем с нами работали поочередно Г. А. Яворовский и Н. А. Левкоев.

Я получила главную роль – Марфы, будущего председателя организуемого колхоза. Для меня эта роль тогда была очень трудной: я плохо знала деревню. Мои подруги, хорошо знавшие деревенский быт, баб, удивлялись тому, что я не могу это ухватить, а я всегда была мало восприимчива к игре с показа.

* *Закушняк Александр Яковлевич* (1879-1930) – русский советский артист эстрады; чтец и драматический актёр. Основоположник советской реалистической школы литературного рассказывания, создатель жанра «вечеров рассказа». Проф. сценич. деятельность начал в 1906-1907 (Полтава, Тифлис) [подробнее см. ТЭ].

** *Малеев А. С.* (1908-1941) – выпускник 1931 года Нижегородского Театрального Техникума, позднее актер МХАТ.

*** *Лебский Виталий Александрович* (1910-1970) – муж Е. Г. Агаповой, выпускник 1932 года Нижегородского Театрального Техникума, известный в г. Горьком (Нижнем Новгороде) режиссёр-педагог, работал актёром и режиссёром в театрах г. Горького и области, в разное время руководил многими самостоятельными драматическими кружками. После окончания Великой Отечественной войны восстановил Горьковское Театральное Училище и возглавлял его в сороковых-шестидесятых годах.

**** *«Ярость»* – пьеса советского драматурга Е. Г. Яновского (1889-1950) о становлении первых колхозов на советской земле. Эта народная трагедия, написанная в 1929 году, впервые поставленная в Ленинградском Академическом т-ре драмы, вошла в число лучших советских пьес 30-х годов и широко ставилась в советских театрах [ТЭ].

Раз Левкоев ушёл сердитый с репетиции, гневно сказав нам, что «и медведей учат». Это показалось мне таким обидным, и так я была измучена своими неудачами, что громко зарыдала. Видимо, он не успел ещё уйти и услышал мой плач. Вернувшись, он ласково стал спрашивать меня, о чем я плачу. «Вы сказа-а-ли, что медве-е-дей уча-а-т!» – плакала я. «Да это я не о вас, не плачьте, всё будет хорошо!»

Я немного успокоилась и, видимо, начала обретать веру в себя, роль начала подвигаться, и мы показали нашу генеральную репетицию Николаю Ивановичу Соболевскому-Самарину. Я надумала сцену с Сашей Малеевым, моим возлюбленным по пьесе, сыграть по-своему, драматически, а не с улыбкой, как велел Николай Александрович Левкоев. Тогда Николай Иванович остановил репетицию и, подойдя ко мне, сказал, как надо играть это место.

После просмотра спектакля в клубе строителей на улице Свердлова (теперь там Дом медработников) опять присутствовал Николай Иванович. Кто-то из наших выпускников, уже работавших в театре, говорил мне, что я не очень понравилась Соболевскому, видимо, он не нашёл у меня большого темперамента.

В этом спектакле был занят Борис Егюшин (III курс), назначенный художественным руководителем нашей бригады, и Петр Мищуков (I курс) – главный администратор. С нашего второго курса было четырнадцать человек и восемь с первого курса, в том числе и Виталий Лебский.

ГЛАВА 9

Поездка по районам со спектаклем «Ярость». Наши приключения. Яранск

Выезжали мы из Нижнего Новгорода 27 февраля 1930 года на поезде до Котельнича, куда нас проводил Георгий Аполлинарьевич. Дальше мы ехали уже одни, на лошадях.

Вышло так, что по моей вине мы с Машей Прокопович, которая жила у меня, опоздали к отъезду из Техникума, добирались на извозчике через Волгу до вокзала «Моховые горы» и ещё долго ждали поезда на этой станции. Всю ночь в поезде Г. А. Яворовский рассказывал нам сказки «Тысячи и одной ночи», которые все слушали с большим интересом.

В Котельниче мы с большим успехом сыграли два спектакля и, проотившись с Георгием Аполлинарьевичем, поехали дальше по намеченному маршруту.

Не забыть, наверно, всем участникам той поездки ночь, когда наши возчики, бывшие из других мест, заблудились на берегу Вятки. Они не могли найти дороги на другой берег, где находилась коммуна «Большевик», в которую мы должны были попасть.

Кругом был глубокий пушистый белый снег. Сильный мороз. Помню, что я стучала ничего не чувствующей рукой по спинке саней, чтобы немного восстановить кровообращение.

Чтобы подбодрить всех, Саша Королихин вскрыл ящик реквизита и вынул баян. Раздались звуки весёлой музыки, которая подняла упавшее настроение. Видимо, баян услышали на другом берегу, где нас ждали и тревожились за нас. Люди с фонарями вышли нам навстречу. Вскоре по найденной дороге переехали мы на другой берег и грелись в тёплом помещении. Но с одной из моих подруг после пережитого волнения сделалась истерика.

Места были глухие, с возчиками и жителями тех мест мы едва понимали друг друга. Клубы, если и были в тех местах, вмещали очень мало народа, а желающих увидеть наши спектакли было много.

В одной деревне – кажется, это был Вышкиль – народу набралось много, и собрались не колхозники, а единоличники, может быть, даже

подкулачники. Наша дирекция (П. Мишуков) и колхозное начальство потребовали, чтобы все вышли из здания клуба и впустили только колхозников.

*Е. Агапова в роли Марфы
(«Ярость»)*

Электрического света в этих местах тогда не было и в помине, и мы гримировались при небольшой висящей керосиновой лампе. Мы могли быть хорошо видны в окружающей клуб темноте, и скоро искусно брошенный чьей-то рукой камень пробил стекло окна и угодил прямо в лампу. Хорошо, что не произошло пожара, лампу принесли другую, мы благополучно догримировались и сыграли спектакль.

Я очень сильно простудилась и тяжело заболела ангиной. В деревне был только медпункт, но фельдшер, видимо, был человек опытный, давал мне лекарства, и высокая температура вскоре снизилась. Я была настолько слаба, что могла глотать только жидкую пищу, и милая Нина Юрки-

на варила мне манную кашу. Фельдшер настаивал, чтобы меня оставили в этой деревне до полного выздоровления.

Но наша дирекция, сделав попытку заменить меня в спектакле одной из моих подруг, всё же увезла меня, несмотря на протесты фельдшера. И я играла спектакль, едва держась на ногах – такая была слабость. Возмущаюсь, что это был за спектакль! Однако недолеченное осложнилось чем-то вроде цинги – ещё и с питанием было очень плохо в этих местах. Даже хлеба не было. Витя Лебский, больной ревматизмом, поехал в коротеньком тулупчике, и его больные колени дали знать о себе.

Трудно приходилось всем, но самое плохое было то, что нас послали поздно, и суровая зима к концу марта сменилась ранней весной, дороги испортились, стали непроезжими, и мы застряли в Яранске, чудесном северном городке, где был клуб и Дом крестьянина, в котором нас поселили, с громадным двором, переполненным навозом. Впрочем, и на улицах города также были горы навоза.

Зато там была культура: электрический свет, библиотека, хорошая столовая, где очень вкусно готовили. Но наша беда была в том, что организации, пославшие нас, не высылали нам денег, а откуда у студентов деньги?

Городские власти пошли нам навстречу, и в столовой нас кормили «в кредит», записывая на висящей там же афише против каждой фамилии сумму долга.

Наши мальчики решили выпустить спектакль-хаптуру «Овод», потому что посмотреть «Ярость» и наш концерт было уже некому. Однако кто-то написал об этом в Нижний, и пришла строгая телеграмма от Яворовского с запрещением этого спектакля, что очень огорчило Сашу Майку, мечтавшего о роли Артура.

В окрестные села мы ходили пешком и играли там, но были случаи, что, возвращаясь ночью, мы проваливались под лёд.

Не один раз мы с Машей благословляли А. А. Когана, выхлопотавшего нам чёсанки* с калошами в то трудное время, и, когда мы с ней умоляли его, чтобы он разрешил нам взять калоши не на валенки, а на туфли, он посмотрел на нас своими близорукими глазами и спокойно сказал: «Без ног, значит, хотите остаться?» Больше мы просить не посмели и за отеческую заботу благодарны ему навсегда.

* Чёсанки – вид грубых валенок.

*Пешком в Йошкар-Олу. Возвращение домой. Я выхожу замуж.
Временная работа. Трагическая гибель брата. Поездка в Ленинград*

К концу апреля стало так тепло, что имевшаяся у нас одежда уже не годилась, мы ходили в платьях, ждять было нечего, надо было возвращаться домой. Железная дорога была далеко: до одной из станций – Шахуньи – было восемьдесят километров, до станции Йошкар-Ола несколько меньше... Решили идти в Йошкар-Олу пешком, переобувшись в лапти, купленные на базаре. Я выпорола подкладку из зимнего пальто, вещи отправили почтой, а дядя Витя Лебского выхлопотали место в почтовой телеге (это стоило десять рублей), из-за больных ног идти с нами он не мог.

Мы отправились в путь почему-то не вместе, а группами. Я пошла с Женей Казакевичем и Марусей Тихоновой. Был ясный солнечный тёплый день, когда мы вышли на дорогу. Но когда мы прошли километров сорок, сказалась непривычка к лаптям, и после ночки в какой-то деревне я обнаружила, что не могу ступить на ноги, не то, что идти! Мои спутники также были измучены и наняли лошадь, чтоб доехать до марийской столицы, но извозчик заломил с нас так много, что у меня не оставалось денег на железнодорожный билет до Нижнего. Кроме того, ударил мороз, грязь на дороге замёрзла, выпала крупа, снег. Помню, что я подвязалась верёвкой, чтоб было теплей, а на голову надела выпоротую подкладку из зимней шапки одного товарища, которую взяла в Яранске для того, чтобы узелок не резал мне руки. Сверху подкладки подвязалась марлевым платком. Ну и вид был у меня!

Тарантас оказался таким узким, что мы с Тихоновой, девушкой довольно полной, едва втиснулись в него, а бедному Жене пришлось торчать на облучке рядом с возницей, в такой холод!

Когда мы добрались до гостиницы в Йошкар-Оле, я не могла встать, до того всё затекло, и Женя взял меня на руки и снял с тарантаса. Номер гостиницы (деревянной) был узкой длинной комнатой с окном под потолком и очень напоминал тюремную камеру. Я легла на одну из кроватей, и добрый Женя сделал мне массаж, после которого мне стало много лучше. Потом он долго уговаривал Марусю дать мне в долг денег на билет, она ехала домой в Зелёный Дол, это было близко, но у неё была только сторублевая бумажка, которую ей хотелось привезти домой, и она не соглашалась.

Когда приехал с почтой Витя Лебский, мы решили пойти с ним в Отдел народного образования и попросить ссуду на дорогу за счет Нижегородского КрайОно, который оставался нам должен. Так как было очень холодно, мы всё ещё в этом странном виде предстали перед заведующим НарОбраза, и с удивлением оглядев нас, он прочел в наших документах «режиссёры».

Однако деньги нам дали, и в этот же вечер мы уехали. К ночи мы были в Зелёном Доле, где у нас была пересадка, и посетили отца Тихоновой. Дальше поезд тащился так медленно, что ребята прыгивали и шли рядом с поездом. Однако к ночи накануне Первого мая я оказалась дома. Как это было радостно!

В конце мая 1930 года мы с Виталием Александровичем поженились, но скрыли это от его родителей и моей мамы, дожидаясь приезда моего брата...

Большая часть этого учебного года для нас пропала, дома жилось трудно, и по моей просьбе Майк устроил меня на работу к своему другу, Семену Михайловичу Вольфу, заведующему отделом механизации Стройобъединения. У делопроизводителя в этом отделе работы не было целый день, так как Вольф пропадал на участках. Он появлялся к концу рабочего дня, начиналось лихорадочное писание приказов по участкам,

и приходилось задерживаться – из-за этого, собственно говоря, Вольфу и был нужен собственный делопроизводитель, так как делопроизводительница канцелярии задерживаться не соглашалась. Работа не была сложной, но являться я должна была к началу рабочего дня, чтоб снять номерок; читать на работе я стеснялась, а чтобы не уснуть от скуки, писала стихи и письма. Народ там был приятный, относились ко мне хорошо и очень сочувствовали, когда меня постигло несчастье.

Мой брат в том году окончил Ленинградский политехнический институт. Он подавал большие надежды, его оставили там работать, да в последние годы учебы он уже и работал там. По окончании института он с группой товарищей собирался поехать в Нальчик и оттуда, через перевал, спуститься к Черному морю. Я очень соскучилась о нём: ведь летом двадцать девятого года я его почти не видела. На зимние каникулы он приезжал без меня ненадолго. Я написала ему письмо с просьбой сразу вернуться домой, но не послала: не поднялась рука лишать его этой радости и красоты. Последняя открытка была из Нальчика, жизнерадостная, весёлая, как он сам, а шестого августа принесли телеграмму о том, что 27 июля он разбился в горах и похоронен на леднике Мисес-Кош.

Наше с мамой горе было безгранично – погиб самый дорогой для нас человек, такой одарённый, так хорошо вступающий в жизнь и так любящий эту жизнь...

С работы меня отпустили с сожалением, и мы с мамой поехали в Ленинград – за вещами брата, и с тем, чтобы увидеться с его друзьями.

В Ленинграде мы с мамой остановились у её старого друга, Льва Николаевича Маресса, в Лесном. У него мой брат жил в первый год учёныя. Встретила я и несколько своих друзей, переехавших в Ленинград.

Обратный путь нас провожали Лев Николаевич, Фрося, его экономка, и ещё одна знакомая. После оказалось, что на обратном пути в трамвае Лев Николаевич сказал Фросе, что я хорошая девушка и... умер... Ну не ужас ли это?

Фрося написала нам отчаянное письмо и хотела переехать к нам, но второпях я ответила ей как-то не так, как надо было, и, как я потом узнала, она покончила с собой.

ГЛАВА 11

*Рождение сына. Окончание Техникума. Работа на Радио.
Поступление в ТЮЗ*

Печальные дни после гибели Юры шли своей чередой.

После возвращения из Ленинграда мне стало ясно, что у меня будет ребенок. Естественно, обстоятельства не способствовали нашим признаниям, но мама моя обо всём догадалась. Ко мне стала ходить патронажная сестра, которая строго запрещала мне употребление некоторых видов пищи, которых тогда и духу не было. Питание было очень плохое, вероятно, поэтому я продолжала ходить в Техникум и даже заниматься военным делом. Впрочем, физкультуры и уроков танца я избегала.

Техникум учился по пятидневкам. Мы готовили с Н. А. Левкоевым трилогию «Женитьба Бальзаминова», где в последней части я должна была играть Белотелову. Николай Александрович ставил с нами ещё водевиль Е. Павлова «Девушка из семнадцатого», в нём я играла подружку героини, помогающую распутать положение в пьесе – имена героев мне не запомнились. В этом водевиле мне довелось сыграть один раз в студенческом общежитии на площади Лядова. А Белотелову я и совсем не сыграла.

В мой выходной день, двадцать шестого февраля тысяча девятьсот тридцать первого года, у меня родился сын, которого я, вопреки желанию мамы, назвала Юрой – в память брата. Теперь-то я знаю, как

Выпускники 1931 года

тяжело было ей произносить это имя, обращаясь к другому мальчику... С эгоизмом молодости я не понимала этого, хотя о брате продолжала говорить и бессонными ночами плакала о нём.

Занятия в Техникуме шли к концу, и вот мы расстались с этим милым домом, с любимыми учителями, давшими нам так много, с товарищами...

Надо было подумать о работе: куда мне ехать с крошечным ребенком? Директор техникума Георгий Аполлинарьевич Яворовский очень хотел устроить меня на работу, приглашал гулять с Юрой и его Игорем, но моя мама благоразумно отвергла этот план, так как Игорь был подвижный мальчик и вполне мог убежать куда-нибудь, а я, связанная детской коляской с ребенком, не смогла бы его найти.

В июне того же, 1931 года мне предложили работать диктором в Радиокomiteте на площади Свободы. Меня там знали – я ходила туда на практику читать и вести со школьниками радиогазету «Клич пионера». Её редактором был Костя Поздняев. Сотрудникам редакции нравился мой низкий голос. Но надо было в шесть часов утра открывать станцию, и, вообще, полный рабочий день мне не годился – некому было приносить туда Юру для кормления. Мама и тётя работали, а муж Витя Лебский с бригадой Техникума обслуживал строительство автозавода. И тут нашёлся выход – мне сказали, что у Тани Рождественской также маленький сын Митя, и она не поехала на гастроли с театром. Мы с ней разделили пополам часы работы и зарплату. Пожалуй, это было удобно и для Радиокomiteта: вечером необходимы были два диктора для чтения газет – лето, начинались отпуска.

Ведал дикторской группой Николай Васильевич Чиадов, окончивший Техникум вместе с Таней в 1927 году, но он был старше нас годами. Старшим диктором была Валентина Васильевна Бельская, дама была очень решительная, но ко мне относилась прекрасно. Я уж не говорю об Ирине Капраловой (Сидоровой), которая закончила Техникум в 1928 году, она не только относилась ко мне по-товарищески, но и умело руководила мною, указывая мне на мои пробелы и ошибки в этом необычайно трудном деле. Павлик Тарасов* был очень милый, обаятельный

* Тарасов Павел Андреевич (р.1912) – русский советский театральный деятель. Участвовал в становлении Нижегородского радиовещания. В 1933 заведовал

парень и прекрасный товарищ. Недавно читала о нём в журнале «Театр», где о нём очень хорошо вспоминают.

Главным редактором была Клавдия Александровна Ломакина, тоже хорошо относившаяся ко мне. Да все, начиная с начальника радиоузла Д. В. Матрони, отец которого знал меня ещё ребенком, души музыкального вещания Виктора Маянского, который звал меня «Агапычем», артистов Радиокомитета, и кончая техниками и машинистками редакции – все относились ко мне хорошо, доброжелательно. И в этой атмосфере работать было легко и приятно. Утомляли меня только дежурства до часу ночи (мне приходилось закрывать станцию), так как сын не очень давал выспаться.

В середине зимы открыли актёрскую группу, и я вошла в неё. Теперь я получала не семьдесят пять, а сто пятьдесят рублей.

Из Москвы прислали к нам на Радио постановщика А. В. Ленивцева, поступил к нам в группу уже тогда широко известный, талантливый комический артист Михаил Иванович Зорин*, а жена его, Елена Павловна, стала диктором.

Работать стало очень интересно. Дело для нас было новое, и мы искали большей выразительности звучания, звуковых эффектов. Жаль только, что первые радиопьесы были еще слабы и наивны.

Мой муж в то время заканчивал Техникум, работал уже в Нижегородском ТЮЗе и сыграл большую роль хулигана Петьки в пьесе Л. В. Верприцкой «Лягавый». Мне очень понравился этот спектакль. У мужа был замечательный грим, и вообще весь внешний облик этого горбатого мальчугана был очень хорош. И играл он очень хорошо и убедительно.

Артисты ТЮЗа большей частью были выпускниками нашего Техникума разных лет. Там работали В. И. Макарова, И. А. Зеленецкая, К. П. Хрящев, М. В. Родионова, В. И. Мятелков, А. М. Андреев, А. И. Бозина, А. В. Куницын.

Летом 1932 года вновь назначенный художественным руководителем этого театра Н. Н. Хрулёв пригласил меня, и я была принята на работу в ТЮЗ. Хотя мне и жаль было расставаться с замечательным коллективом Нижегородского радио, но театр манил меня и, сопровождаемая добрыми пожеланиями товарищей, я перешла на работу в Театр юного зрителя.

ГЛАВА 12

Работа в ТЮЗе. Перемены в труппе. Московские мьтарства

В театре я сразу попала в пьесу «Школа» по книгам «Конduit» и «Швамброния» Льва Кассиля. Ставил этот спектакль Николай Николаевич Хрулёв. Я получила роль гимназиста. Очень трудно было запихать мои длинные косы под стриженный парик гимназиста. Инсценировка мне не очень нравилась.

Второй спектакль «Наш» Зныка ставил Константин Петрович Хрящев. Он вызвал меня к себе и сказал, что в прологе мне придётся сы-

лит. частью Автозаводского и Сормовского ТРАМов в г. Горьком, из которых был впоследствии образован Горьковский краевой колхозный театр. В этом театре Т. был зав. лит. частью и актёром. В 1938 был избран секретарем ЦК профсоюза Рабис. В годы Отечественной войны был в действующей армии, затем вновь избран сначала зам. председателя, впоследствии председателем профсоюза Рабис. В 1949-57 работал в аппарате ЦК КПСС, в 1957-63 – нач. Главного управления по делам искусств Министерства Культуры РСФСР. С 1963 – начальник управления театров Министерства Культуры СССР [ТЭ].

* Зорин Михаил Иванович – очень колоритный, эксцентрический актёр, работавший в разные времена почти во всех театрах Нижнего Новгорода, в том числе и в Театре оперы и балета (где он блестяще исполнял, например, роли старушки в балете «Тщетная предосторожность», князя Волапюк в «Сильве» и т.д.), в Горьковском Театре комедии, а также на Нижегородской эстраде.

грать умершую мать главного героя спектакля. Этого мальчика играла Елена Николаевна Ярошенко, великолепная трагистка. А дальше в пьесе я играла небольшую, но интересную роль дочери деревенского кулака, к которому попадает в работники главный герой. Моих родителей играли В. И. Мятелков и Аня Бозина, кончившая Техникум вместе со мной. Моя героиня училась вязать крючком и, когда я оставляла вязание на сцене, герой – Ярошенко распускал мое вязанье под аплодисменты юных зрителей.

К сожалению, в театре что-то не ладилось с калориферным отоплением, и в эту зиму спектакли часто отменялись. Конечно, имея маленького ребенка, я радовалась свободным дням. Но и так я была занята в репертуаре не очень много.

Очень любила я старшего друга Вити Лебского, чудесного актёра и человека Николая Ивановича Чехова. Мы очень подружились также с Симочкой Фоминой, окончившей Техникум вместе с Витей. Впоследствии, в Саратовском ТЮЗе, она успешно сыграла Алешу Пешкова в инсценировке «Детства» А. М. Горького, получила звание Заслуженной артистки РСФСР и стала лауреатом Государственной премии.

Летом мы обслуживали пионерские лагеря: по Оке ездили в Муром, по Волге в Лысково, по железной дороге в Кулебаки.

На следующий год состав труппы ТЮЗа очень изменился. Николай Чехов и мой муж перешли на работу в Театр драмы, ушла Ярошенко, и многие другие актеры. Н. Н. Хрулёв тоже ушёл из ТЮЗа, а нашим главным режиссёром стал К. А. Ведерников, второй режиссёр Театра драмы. Ставил у нас спектакли и К. П. Хрящев, но он много болел. В труппе стало много неопытных и случайных в театре людей. Обстановка очень резко изменилась, и мне не захотелось оставаться здесь дальше. Очень хотелось перейти в Театр драмы. Витя говорил с директором Театра драмы А. М. Рязановым о прибавке зарплаты себе и о моем поступлении, но Рязанов отказал по всем пунктам.

Марк Местечкин

В это время наши друзья М. Прокопович и Ю. Славолубов поступили в труппу Промколхозного Мстёрского театра, который работал в Москве. Его труппу составляли, в основном, никуда не устроившиеся москвичи. Главным режиссёром был Марк Местечкин*, впоследствии режиссёр Московского цирка.

Итак, мы последовали за друзьями и в августе 1934 года оказались в Москве. Положение наше было сложным, так как мы быстро поняли, что этот театр ненадежен. В репертуаре были две пьесы – «Чудесный сплав» В. Киршона и ещё одна пьеса из морской жизни, название которой я не помню, хотя в ней и был занят мой муж. Я же всего один раз сыграла в спектакле «Чудесный сплав» в массовой сцене. Спектакль шёл в Останкино. Маша Прокопович играла роль Наташи, Юра играл роль Пети.

Нам с Витей тоже даны были главные роли в этой пьесе, и мы их каждый день репетировали в довольно холодной церкви, которая уже была чьим-то клубом. Помещение, видимо, сдавалось. Репетировал с нами не Местечкин, а «очередной» режиссёр – дама, которая очень нам не нравилась. Таких режиссёров в те времена называли «разводящими».

* Местечкин Марк Соломонович (р.1900) – режиссёр советского цирка, Засл. деят. искусств (1963), с 1930 занимается режиссурой, с 1947 – режиссёр-постановщик Московского цирка; с 1956 – гл. режиссёр. Вёл педагогическую работу в Гос. училище циркового искусства [ТЭ].

Понимая, что этот театр будет, наверное, расформирован, мы ходили и на «актёрскую биржу» и, узнав, что создаётся передвижной железнодорожный театр, пытались сдать туда экзамен. Приёмом там ведали Дейкун и Благодеров. В Железнодорожный театр нас не приняли, а Мстёрский театр действительно расформировали.

Тогда нас вызвали на Чистые Пруды, где находился Отдел Народного Образования, который в ту пору ведал театрами.

В ожидании приёма мы сидели в коридоре, и к нам подошел директор I Колхозного театра В. Волков. Он сообщил нам, что колхозные театры Горьковской области заслуживают нашего внимания, что консультируют их режиссёры из театра им. Е. Б. Вахтангова и что я буду нужна в Первом театре на роль Барабошевой в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше», который ставит И. М. Толчанов. Эту роль играла его бывшая жена, но она ушла в Кировский колхозный театр к Анне Орочко*. Сказал, что сам он тоже ушёл из театра, но очень советовал нам поступить туда.

То же предложил нам и работник Отдела Народного Образования, утверждая, что театры нашей области очень хороши.

Размышляя об услышанном, мы решили, что Витя останется в Горьком и будет вести драмкружок в Первой школе**, а я попытаюсь поехать в I колхозный театр, в Лукоянов.

Жизнь в Москве нас очень утомила, мы были без квартиры и ночевали у разных знакомых. Последних, конечно, мы очень беспокоили, тем более, что никак не могли удержаться от посещения театров. Соблазн был слишком велик, но хозяевам мы доставляли много беспокойства и неудобств. Да и питаться было нелегко – денег ведь было очень мало.

Но посмотрели мы тогда очень много замечательных спектаклей: «Интервенцию» и «Принцессу Турандот» у Вахтангова, видели первый спектакль Студии Хмелёва «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Это ведь была бывшая Студия Завадского, куда я поступила в 1929 году...

ГЛАВА 13

*I колхозный театр. Радушиная встреча. Начало работы.
Новые партнёры и их приключения*

Вернувшись в Горький, попыталась я сходить на Радио, но нашей драмгруппы уже не было, и друзья спели мне на мотив популярной в то время румбы «Фиеста»:

*Коган не любит Драмы,
Коган драмгруппу съел!
Надо, чтоб все программы
Сам он читал и пел.*

Я ходила в Управление театрально-зрелищных предприятий и была принята в I Колхозный театр, который в это время находился в Лукояновском районе. На поезде я доехала до Лукоянова, а оттуда пешком отправилась в село Б. Мамлеево, где в это время театр находился на базе. Недавно выстроенный клуб поражал своей белизной. Товарищи

* Орочко Анна Алексеевна (р.1898) – русская советская актриса. Нар. арт. РСФСР (1947), Засл. деят. искусств РСФСР (1946). С 1926 – актриса театра им. Евг. Вахтангова. В годы Великой Отечественной войны была худ. руководителем фронтового филиала театра им. Евг. Вахтангова. Лучшие роли О. отличаются трагедийная напряженность, драматическая сила. Преподавала в Театральном училище им. Щукина (с 1959 – профессор) [ТЭ].

** Драматический кружок в школе № 1 г. Горького, работавший под руководством В. А. Лебского и преподавателя истории С. Н. Вагиной, работал на протяжении ряда лет и прославился несколькими незаурядными постановками.

встретили меня очень приветливо, с большой радостью. Были там и старые знакомые: Петр Иванович Решетников, выпускник Техникума 1930 года, Валентин Алатырцев, с которым вместе мы работали дикторами на Радио, Саша Демин, с которым мы работали в ТЮЗе (он был там на практике из Техникума). Один из новых товарищей, Асон Голубев, запряг лошадь, и мы съездили за моими вещами на Лукояновский вокзал. Меня поселили вместе с девушкой из Студии театра – Людмилой Кирилловой, оказалось, что она была знакома с моим мужем. Мужа знали там и другие актёры, они выражали сожаление, что я приехала одна.

Мне хорошо запомнился вечер того дня, когда я приехала в Б. Мамлеево, видимо, после ужина в клубе. Питались мы там коллективно три раза в день. Завтрак – пшённая каша, обед – лапша и пшённая каша, ужин – пшённая каша. На базе мы получали только зарплату, без командировочных, за питание вычиталось из зарплаты. Кормили же очень однообразно, и в скором времени этим питанием довольствовались только холостые мужчины, все прочие покупали продукты и готовили у хозяев. Большого разнообразия не было и в этом питании, но всё же это было вкуснее и дешевле.

Люся поехала в Колхозный театр, чтобы заработать на шубу, а мне надо было платить долги «за Москву».

Не помню, как это случилось, что мы с Алексеем Прусовым, также недавно поступившим в этот театр, оказались вдвоём в фойе мамлеевского клуба – вероятно, на сцене шла репетиция «Чудесного сплава», над которым актёры работали в Москве с Леонидом Моисеевичем Шихматовым, который вскоре должен был приехать в Мамлеево для выпуска спектакля.

Мы с Алексеем Павловичем сидели на деревянном диване. Он спросил у меня мои «анкетные данные» и сообщил мне свои. Он был, как и я, 1906 года рождения. Узнав, что я замужем, он грустно сказал: «Вот, все замужние приезжают». На меня он произвел очень приятное впечатление, чувствовался юмор. После мне пришло в голову, что мы с ним знакомы как два театральных «премьера».

На другой день и для меня начались самостоятельные репетиции по пьесе А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше»; собственно, знакомство с партнёрами и текстом. Кроме меня в этот поставленный летом И. М. Толчановым спектакль вводились Леонид Пылаев на роль главного героя Платона (на место взятого в армию А. Молькова) и В. Алатырцев – на роль второго приказчика Мухоярова.

Репетируя с Прусовым, я поразила его одаренностью. Как я сейчас думаю, он, вероятно, был самым талантливым актёром в I Колхозном театре Горьковской области. По-видимому, он был одарён и к работе на Горьковском заводе, откуда он пришел в Колхозный театр. И эта работа его очень привлекала; в конечном итоге свою трудовую деятельность он закончил на Минском тракторном заводе шлифовальщиком инструмента, известном в городе. Он был некрасив, но очень привлекателен, и его яркие карие глаза смотрели умно и с юмором. Светло-русые волосы были не густы, но каким-то лёгким золотым ореолом окружали его голову, у него была ладная фигура, хороший рост, и весь он был складный и на разговор умелый. Конечно, мог он быть и грубым, и резким, особенно, когда случалось ему выпить, а выпить он любил. Культура его была низкой, но при его уме и разносторонних талантах он мог подняться очень высоко.

Алексей очень нравился моей подруге Л. Кирилловой, с которой нас поселили вместе в Б. Мамлеево. Хотя он и был разведён со своей женой Клавой, но она приезжала к нему и подолгу ездила с нами, несмотря на то, что была больна туберкулезом. По-видимому, это и было причиной развода – ему очень хотелось иметь сына. Клава была довольно крупная, видная, собой недурная по-своему женщина, но, конечно, её «гордеевский» мирок очень принижал и уводил её мужа в сторону быта, перепро-

даж, спекуляции и других довольно тёмных дел. Она, вероятно из-за болезни, не могла всюду сопровождать мужа, а он не прочь был поискать «подруг» на стороне.

Однажды вечером – это было до приезда вахтанговцев на мамлеевскую базу, Алексей Прусов и Петя Стеклов, администратор нашего театра – очень милый человек и горький пьяница, явились в гости к нам с Люсей. Посидев часов до одиннадцати вечера, они ушли. Хозяева наши давно спали – ведь с керосином в те годы в деревне было плохо. Мы уже заперли дверь за гостями и вдруг услышали отчаянный стук в наши окна. Когда мы отперли дверь, перед нами стояли, как мокрые курицы наши «храбрые кавалеры». Оказывается, уходя от нас, они встретились с волком, и в один миг Петя оказался на тополе у нашего окна, а Лёша на перекладине ворот. Парни умоляли оставить их у себя до рассвета. К нашей комнате примыкал чулан, запирающийся снаружи, было там что-то постелено. По инициативе Люси мы предложили им занять этот «кабинет» и заперли их там. На рассвете опять раздался отчаянный стук – в чулане они сделали добычей клопов!

Конечно, в те времена в этом нашем мирке случалось немало подобных комических, а иногда и трагикомических происшествий.

ГЛАВА 14

Работа с вахтанговцами. Хорошие партнёры

*Иосиф Моисеевич
Толчанов*

*Елизавета Владимировна
Люданская*

Моя актёрская судьба сложилась интересно, несмотря на то, что проработала я в театре только пятнадцать лет... мало...

Но всё же в I Колхозном театре нашей области мне посчастливилось работать с большими режиссёрами – актёрами театра им. Евг. Вахтангова. Они не только ставили у нас спектакли, но и воспитывали в нас настоящих актёров и людей Советской Страны. Мы переписывались с ними, держа их в курсе нашей трудной бродячей жизни. С волнением вспоминаю я многих своих партнёров, незадолго до этого пришедших из самодеятельности. Свято берегли они своё отношение к спектаклям, поставленным мастерами-вахтанговцами, не позволяя себе пренебречь чем-то из-за промерзших стен клуба, или коровника, где постоянно приходилось играть. Тогда меня очень трогало, что люди без театрального образования старались провести свои роли на как можно более высоком уровне. Хочется рассказать о людях, научивших их (я уж не говорю о себе) святому отношению к делу Театра: Иосиф Моисеевич Толчанов, Елизавета Владимировна Люданская, Николай Павлович Яновский, Игорь Константинович Липский, Леонид Моисеевич Шихматов и Елизавета Георгиевна Алексеева не формально относились к своему шефству, а вкладывали в работу с нами всю душу, многого добивались от нас и постоянно следили за достигнутыми успехами. Как дороги для всех нас были эти люди! Только что не молились мы на них и на всю жизнь пронесли о них память. Часто думалось: «А что сказали бы об этом Елизавета Владимировна или Николай Павлович?» – и краска стыда выступала на щеках.

Бахтанговская школа очень много дала всем нашим артистам, а в особенности Алексею Прусову. Он был замечательным партнёром, и играть с ним сцены было интересно и волнительно. К сожалению, в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше» у меня с ним была только одна сцена в четвёртом акте, но зато какая! Один из учителей из села Василев Майдан Починковского района написал в своей рецензии на наш спектакль, что самое большое впечатление на него произвела сцена «торга» Барабошевой с «ундером». Рецензия была помещена в выпущенной в этом селе стеновой газете. Актёры, заменившие Лёшу после его ухода из театра, никак его не заменили. Мечтавший об этой роли Новиков вскоре понял, что свою роль Барабошева исполняет значительно лучше и при появлении в театре И. И. Коринфского уступил роль Грознова ему. У Ивана Ивановича были очень хорошие внешние данные, голос, дикция, но внутренне он был пустоват, не имел школы, и все его роли, за исключением роли Тица в пьесе Крона «Трус»*, были выполнены средне. Правда, это был не тот Тиц, которого написал Крон, а созданный Николаем Павловичем Яновским и И. И. Коринфским! Но это было по-настоящему интересно, органично и ярко.

Спектакль «Правда хорошо...», на мой взгляд, шел неплохо. Все мои партнеры были хороши: и Леночка Петрова – Поликсена, Пылаев – Зыбкин, Новиков – Барабошев, Асон Голубев – садовник и, конечно, великолепная Фелицата – Екатерина Сергеевна Дацук. Приезжавший на премьеру спектакля в Мамлеево мой муж В. А. Лебский был в восторге и от театра, и от моего исполнения роли. Его поразило, что оно было очень органичным и в то же время налицо было перевоплощение в образ. Конечно, эту удачу следует отнести за счет Елизаветы Владимировны Ляуданской, так много давшей всем нам. Ведь работали мы всего девять дней, правда, полных дней, всего лишь с двухчасовыми перерывами! Интересно, что именно вчера, когда я только собиралась писать эти строки, по радио передавали сцену с «ундером» из спектакля Малого театра в исполнении Николая Капитоновича Яковлева и Евдокии Дмитриевны Турчаниновой. И право же, Прусов был не хуже! А я видела Яковлева в фильме-спектакле, Николай Капитонович играл чудесно! Хорош был в этой роли в 1930 году и молодой Меркурьев**, когда в

Николай Павлович Яновский

Игорь Константинович Липский

Елизавета Георгиевна Алексеева

* «Трус» – трагедия Александра Александровича Крона (1909-1953), русского советского писателя, драматурга, написанная в 1935 и посвящённая событиям первой русской революции 1905 г. Герой пьесы, солдат Василий Барыкин, проходит сложный путь превращения из бунтаря-индивидуалиста в революционера. Упоминаемый автором прапорщик Тиц – один из ярких отрицательных персонажей пьесы.

** Меркурьев Василий Васильевич (р.1904) – русский советский актёр. Нар. арт. СССР (1960). С 1937 – актёр Ленинградского т-ра драмы им. Пушкина. М. – яркий реалистический характерный актер, ему свойственны сочная манера исполнения, заразительный юмор [см. ТЭ].

Н. Новгороде гастролировал Ленинградский театр.

Провосу же в те дни было только 28 лет! Потом он перешел в Третий Колхозный театр и играл там Курослепова, как говорили, прекрасно. В дальнейшем нам довелось выступать после этого театра в Горьком, где-то на Автозаводе, и нам рассказали следующий «занятный анекдот»: днём, перед назначенным спектаклем «Горячее сердце», пришли в клуб два подвыпивших товарища, отрекомендовались участниками спектакля и попросили выде- дить им помещение, где они могли бы «отдохнуть» до спектакля. Их провели в служебную комнату. Когда вечером собрались участники спектакля и стали беспокоиться об исполнителях ролей Курослепова и Хлынова, им рассказали об «отдыхающих». Оказалось, что это были «те, кого искали». Эти актёры захотели поближе войти в роль самодуров Островского и пожить жизнью своих героев. Основательно «подкрепившись» с утра, они пошли на базар и стали торговать глиняную посуду. Уплатив за неё хозяину, они начали её бить, считая это возможным занятием своих «героев». Не знаю, были ли они способны сыграть спектакль, но он всё же состоялся. Какие выводы сделала дирекция, я не помню.

В тот же приезд в Горький, в воскресенье, нам пришлось играть в рабочем клубе в один день три спектакля «Правда хорошо, а счастье лучше». Второй спектакль был удачным, связи между действующими лицами выросли и укрепились. Ну, а третий играть было тяжело — еле языками ворочали!

Леонид Моисеевич Шихматов

Анна Алексеевна Орочко

ПЕРВЫЙ ГОРЬКОВСКИЙ КРАЕВОЙ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНЫЙ ТЕАТР
 РАБОТАЮЩИЙ СДЯ ТИФЛОПРЕДУВОВАТНИК
 МОСКОВСКОГО ТЕАТРА
 им. Евг. ВАХТАНГОВА

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**Правда—хорошо,
а счастье лучше**
 Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Амур Панфилич Варобашев—купец А. Г. Новиков.
 Мавра Тарасовна—его мать . . . Е. Г. Агапова.
 Подласова—дочь Варобашева . . . Е. П. Петрова.
 Флидья—нянька в их доме . . . Е. С. Дачук.
 Николай Мухоморов—приказчик
 Варобашева . . . В. А. Алатырцев.
 Павел Меркулич—садовник . . . А. И. Голубев.
 Глебег Григорьевна Зыбкин—
 купеческая вдова . . . А. В. Блюбриская
 Платон—ее сын . . . Л. П. Пылов.
 Сила Вродевич Грознов—отставной
 унтер-офицер . . . Н. И. Корнифский.

Постановка заслуженного артиста
 Республики И. М. ТОЛЧАНОВА.
 Режиссер-педагог Е. В. ЛЯДУДСКАЯ.
 Оформление художника Е. Г. БЛНК.
 Музыкальное сопровождение И. М. ОСТРОУМОВА.
 Спектакль ведет П. И. РЕШЕТИКОВ.
 Заведующий постановочной частью А. Г. ДЕМИН.
 Машинисты сцены: И. Н. КАТИН и А. М. САВИНЦЕВ.

Директор театра И. М. БОКАРЕВ.
 Администратор А. С. НЕВЕРОВ.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

В июне 1936 года исполняется 50 лет со дня смерти основоположника русской бытовой драмы Александра Николаевича Островского.

Родился Островский 31 марта (12 апреля нов. стиля) 1823 года в Москве.

Его жизнь сложилась так, что он хорошо узнал быт и нравы московского купечества. Начав в 1846 году работу над будущей комедией «Свои люди сочтемся», Островский за 37 лет своей литературной и театральной деятельности написал 50 пьес: «Свои люди сочтемся» (1850 г.), «Ведьность не порок» (1854 г.), «Доходное место» (1857 г.), «Гроза» (1859 г.) и др. и перевел несколько пьес европейских классиков (Шекспир, Сервантес и др.).

Его первая комедия «Свои люди сочтемся» получил оценку Николая I: «напрасно напечатано» и была запрещена в представлении, а автор отведен под надзор полиции. Островский начинает работать в роликах народного журнала «Москвитини», где и печатает свои пьесы. По мимо своей писательской работы А. Н. Островский был большим общественным деятелем. В 1874 году он организует общество русских драматических писателей и оперных композиторов А. Н. Островский мечтал создать народный театр, знав, что театр может быть быстрее, чем книга донести культуру в массы, он писал пьесы для театра, а не для чтения. В театре много людей сразу воспринимают художественное произведение.

О своем плане создания народного театра А. Н. Островский полагал доложить записку Александру III. Ответа не последовало. Народный театр так и не был создан, хотя Островский нашёл средства на это дело.

Теперь когда в нашей стране имеется более ста Малых театров—театров ставших подлинно народными, мы должны, мы обязаны показать рабочему и колхозному зрителю то, что создали, но не мог донести до своего истинного зрителя А. Н. Островский.

Его пьесам показывают нам наше жуткое «вчера». Правду и «счастье» людей этого времени показывают они нам.

Их «счастье»—деньги, ради которых можно мошенничать, tyrранить и сажать в долговую тюрьму, в «яму» ближнего, «правда» это робкая борьба с так называемым, «счастьем», возмущение передовой образованной молодежью.

Пьеса «Правда хорошо, а счастье лучше» написана и в первый раз сыграна на сцене в 1876 году.

Возвущающая литературной частью театра
И. А. ЛЕСНИЙ.

Мои роли в Колхозном театре. Поездка в Москву – премия за работу

В I Колхозном театре сыграла я свои первые значительные роли, из которых особенно важными для меня были: Барабошева («Правда хорошо, а счастье лучше»), Ио («Гибель Надежды» Гейерманса) и Васса Железнова. Все они дали мне очень нелегко, но доставили мне глубокую радость в отклике зрительного зала. Большое значение в этих ощущениях играли замечательные партнеры: Е. С. Дацук, Е. П. Петрова, А. И. Голубев, А. П. Прусов, А. П. Пылаев.

Помню, как Е. В. Ляуданская, работая со мной над ролью Мавры Тарасовны, сказала мне про одного из партнеров: «Вам к нему легко изменить отношение – в нём есть что-то... лишнее!» И. М. Толчанов, репетируя последний акт «Гибели Надежды», промолвил: «Вы тут сильно и верно берёте, но помните – у актёра не должен быть виден «потолок», всегда должно оставаться впечатление, что у вас ещё что-то есть». И я начала лихорадочно думать, как этого добиться...

Сыграны были мной в этом театре и менее крупные роли, например, доярка Варвара в «Афродите» Богданова. Там я воспользовалась одним из превосходных советов Елизаветы Владимировны. Она учила нас придумывать эпизод из жизни своей героини, которого нет в пьесе, но для которого надо очень строго подбирать такие детали, которым веришь до конца. Роль Варвары была интересной (мне завидовали), но было непонятно – откуда она такая? В пьесе ей была дана песня «Уродилась я как былинка в поле» (в нашем спектакле она была заменена другой песней – «Когда будешь большая, отдадут тебя замуж...»), и вот, идя от этой песни, я придумала эпизод из жизни Вари, который сделал мне её родной, понятной, близкой... Впоследствии, работая уже в Горьком, я удачно применила этот прием в работе над ролью Анны-Марии в спектакле «Нора» Ибсена. «Афродиту» ставил вновь присланный к нам из Москвы художественный руководитель А. Н. Липеровский. Конечно, он мне не нравился, он был не вахтанговцем, а, вероятно, воспитанником каких-то «курсов». Кое-кого он выгнал, кое-кто, в частности Прусов, поработав с ним, сам ушёл.

В пьесе «Афродита», хоть она и из жизни деревни и Афродитой там звали свинью, были песни и танцы. Впрочем, особенной глубины в этой пьесе не было, оформление же было сложное и громоздкое. Правда, летом 1935 года мы уже получили свою машину (грузовик), но она частенько ломалась, и мы «загорали» в полях.

После летнего отпуска нашу базу из Лукоянова перевели в Семёнов, где были знакомые моего отца, который раньше служил там уездным статистиком. На базу приехали Николай Павлович Яновский и Игорь Константинович Липский. Они работали с нами над «Вечером А. П. Чехова». Ставили рассказы Чехова «Ведьма», «Канитель», «Воры», «Хамелеон» и «Предложение», где я получила роль Натальи Степановны. В студии Завадского я видела «Ведьму», и с тех пор мечтала о роли Раисы. Липский тоже хотел, чтобы я играла эту роль, но Липеровский уперся и не согласился менять исполнительниц.

Работа с Игорем Константиновичем над ролью Натальи Степановны была очень увлекательной и настолько успешной, что мы даже показали сцену из этой работы на учебной сцене Вахтанговского театра в Москве перед Б. В. Щукиным и Б. Е. Захавой! Во время этой поездки в Москву, которой мы были премированы за успешную работу в колхозах, мы жили в Киевской гостинице, а питались вкусно и дешево в столовой Вахтанговского театра.

Тогда мы посмотрели много хороших спектаклей у вахтанговцев и в других театрах. Мы видели «Принцессу Турандот» с Б. В. Щукиным –

Тартадьей, Р. Н. Симоновым – Панталоне, О. Н. Басовым* – Альтоумом, Л. М. Шихматовым – Калафом, Ц. А. Мансуровой – Турандот, А. А. Орочко – Адельмой, Е. В. Ляуданской – Скириной, «Человеческую комедию» Бальзака с В. В. Кузой** – Вотреном, Е. В. Ляуданской – Мишоно. Люсьена де Рюбампре играл очаровательный Дорлиак. Посмотрели «Достигаева», которого великолепно играл О. Н. Басов. Рябинина в этом спектакле играл И. М. Толчанов, Антонину – В. Ф. Тумская, Калмыкову – Е. В. Ляуданская, Таисью – З. К. Бажанова, Троекурова – Н. П. Яновский. В пьесе В. И. Плетнева «Шляпа» изумительно играли Б. В. Шукин с Т. М. Шухминой*** и И. М. Толчанов с Е. В. Ляуданской.

ГЛАВА 16

Поездки по районам. Распри в дирекции. Постановка пьесы «Трус». Поиски квартиры. Интриги в театре.

Вернувшись из Москвы, мы вновь поехали по районам. В наш театр,

* *Басов Осип Николаевич* (1892-1934) – русский советский актёр. Засл. арт. РСФСР (1933). В 1918 поступил в Мамоновскую студию, в 1919 перешел в Студию Вахтангова, на основе которой в 1926 году был создан Театр им. Вахтангова. Первые роли Б. – Ревунов-Караулов («Свадьба» Чехова, 1920), Гюстав («Чудо святого Антония» Метерлинка, 1921), Альтоум («Принцесса Турандот» Гоцци, 1922) – были подготовлены под рук. Е. Б. Вахтангова. В дальнейшем Б. сыграл ряд ролей преимущественно комедийного плана. Крупнейшая работа Басова – Достигаев («Егор Булычов и другие», 1932, и «Достигаев и другие», 1933). В искусстве Б. – одного из наиболее ярких представителей вахтанговской школы – точность и выразительность внешнего рисунка роли определялись глубокой правдой чувств, органической правдивостью, отчетливой социальной характеристикой образа. Обладая меткой наблюдательностью, мягким юмором, непосредственностью, Б. находил разнообразны приемы и краски для обрисовки своих героев. Был также режиссёром и педагогом. Участвовал в постановке спектаклей Т-ра им. Вахтангова: «Коварство и любовь» (1930), «Темп» Погодина (1930), «Дорога цветов» Катаева (1934) и др.; ставил спектакли в Московском т-ре для детей и в 3-м Колхозном т-ре Горьковской обл. В 1934 руководил Московским Современным театром [ТЭ].

** *Куза Василий Васильевич* (1902-1941) – русский советский актёр. Засл. арт. РСФСР (1937). В 1921 поступил в Студию Вахтангова в Москве. Обладая прекрасными внешними и сценическими данными, темпераментом, Куза сыграл роли Фердинанда; Калафа («Принцесса Турандот» Гоцци). Был одним из первых создателей героических образов в советских пьесах: Годун («Разлом» Лавренёва), Бродский («Интервенция» Славина), Семен Котко («Шел солдат с фронта» Катаева). Тонко раскрывал К. опустошенность Растиньяка («Человеческая комедия» по Бальзаку), князя Звездича («Маскарад»). Куза выступал также как режиссёр. Был зам. директора Т-ра им. Вахтангова по худ. части. Ставил спектакли в 4-м Колхозном т-ре Горьковской обл. Погиб от бомбы, попавшей в здание Театра им. Вахтангова во время налета немецко-фашистской авиации [ТЭ].

*** *Шукин Борис Васильевич* (1894-1939) – русский советский актёр, Нар. арт. СССР (1936). В 1920 поступил в Студию, руководимую Е. Б. Вахтанговым. Впоследствии – актёр Театра им. Вахтангова. Шукин – один из крупнейших представителей советского реалистического стиля в актёрском искусстве. Влияние эстетики Вахтангова в большой степени сказалось на творчестве актёра. Народность и театральность, близость искусства Ш. к импровизационной комедии, к народной буффонаде, использование приёмов гротеска определились уже в исполнении ролей Кюре («Чудо святого Антония» Метерлинка, 1921), Тартадьи («Принцесса Турандот» Гоцци, 1922), Льва Гурыча («Лев Гурыч Синичкин» Ленского, 1924). В 1932 Ш. создал образ Егора Булычова, ставший этапом советского театрального искусства, в 1937 один из первых воплотил на сцене образ В. И. Ленина в спектакле «Человек с ружьем». Затем Ш. создал образ Ленина и в кино («Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»). Ш. выступал и как режиссёр, принимал участие в постановке спектаклей [см. подробнее ТЭ]. *Шухмина Татьяна Митрофановна* (р. 1901) – русская советская актриса, режиссёр, педагог. Засл. деят. искусств Сев. Осетинской ССР (1958). Училась в 3-й Студии МХТ (1919-23), с 1923 по 1958 – актриса т-ра им. Вахтангова [ТЭ].

кроме актёров, набранных весной Липеровским, поступил мой муж В. А. Лебский и бывший руководитель Дома культуры Первомайского района Иван Иванович Коринфский. С ним мы уже встречались во время наших летних гастролей в южных районах области.

Когда мы вернулись в Семёнов, между директором Кумеркиным* и художественным руководителем Липеровским разыгралась какая-то ссора, после которой они оба уехали. Липеровский, видимо, обвинял в чём-то нас, актёров, хотя, по-моему, никто ничего плохого не сделал.

На базу в Семёнов к нам приехали Е. В. Ляуданская и Н. П. Яновский для постановки пьесы А. А. Крона «Трус», посвященной революции 1905 года. Этот наш спектакль мне очень нравился. Наши мужчины чудесно пели там солдатские песни, было много хороших голосов, да и баянисты наши не подкачали, выбрали хорошую музыку. Леночка Петрова очень хорошо играла Существо**. У нас с Витей были небольшие роли мужа и жены, помогающих революционному движению. Елизавета Владимировна делала с нами этюд «домашнего чаепития», который очень помог нам в создании «отношений». Персонажи, которые нам предстояло сыграть, были старше нас и, конечно, совсем из другого мира, и «чаепитие», как и следовало ожидать, помогло. Тогда же Елизавета Владимировна доверила мне проводить с «новенькими» занятия по «Школе Станиславского». Тут я сама себя зауважала! К тому же директор театра даже решил оплачивать эту работу (40 руб. в час).

К Новому году наши дорогие учителя-вахтанговцы уехали из Семёнова. Мы отправились в Горький на Съезд колхозных театров, туда приехал Иосиф Моисеевич Толчанов, наш художественный руководитель и консультант.

Спектакль «Трус» мы сыграли 8 января. Мне поручили перед началом спектакля сделать небольшое вступление для колхозников. Но и тут я это сделала, за что потом мне почему-то здорово попало от инспектора колхозных театров Горского (что-то новое!).

Сам спектакль, впрочем, прошёл хорошо. Николай Павлович Яновский здорово его сделал, хоть это и нелегко ему далось. Этот спектакль шёл и в нашем Театре драмы, но некоторые критики говорили, что там он был разрешён менее удачно.

После был и вечер встречи с мастерами города в нашем «клубе Рабис»***, была и хорошая пресса.

Во время смотра кроме «Труса» посмотрела я «Бесприданницу» (не понравилось!), «Школу неплательщиков» (где очень понравилась А. Горянская****), и «Далекое». Была вместе с Симой Фоминой. В коридоре театра встретили директора, А. М. Рязанова. Он очень уговаривал Симу перейти к ним, играть Женю в «Далекое». У них, действительно, эту роль играла малопривлекательная актриса, но я поняла, что Сима не хочет, что её что-то удерживает у себя в ТЮЗе. Домой я шла расстроенная этой встречей.

Потом, в январе-феврале, были гастроли в Борском районе. Я немножко болела. Заменяла меня в «Чудесном сплаве» новая в нашем театре молодая очень способная и красивая актриса Нина Цветнова, жена

* В те времена театрами, да и искусством вообще зачастую руководили не слишком компетентные люди. По устным рассказам Е. Г. Агаповой и В. А. Лебского, с фамилией Кумеркина связан такой эпизод: в одном из спектаклей было вставлено несколько музыкальных номеров для небольшого ансамбля, в связи с чем режиссёр подал директору театра докладную записку с предложением пригласить дирижёра. Последовала буквально следующая резолюция директора: «Чтоб было три мелодии в жазе, и никаких махачей!» (имеется в виду, видимо «в джазе»!).

** Очень яркий персонаж в пьесе Крона, женщина лёгкого поведения, случайно оказавшаяся на железнодорожной станции, где происходят революционные события.

*** Клуб работников искусств.

**** Горянская Августа Николаевна – одна из ведущих актрис Горьковского театра драмы в 30-50-х годах.

ушедшего в армию Нифонта Майорова. Она тоже очень неплохо сыграла Существо, а затем Климентину в «Гибели Надежды» – следующей постановке вахтанговцев (И. М. Толчанова и Е. Г. Алексеевой). Позже, когда нас лишили шефства вахтанговцев, Нина перешла в IV Колхозный театр, которому удалось сохранить шефство. Елизавета Георгиевна хотела взять её в Училище им. Щукина, но бедная Ниночка скоропостижно умерла. У меня сохранилось подаренное ею фото с надписью: «Мне никогда Вас не забыть». Жаль её очень...

В это время мама моя очень тяжело болела воспалением лёгких. Она ни за что не хотела ложиться в больницу, лечившая её врач Виноградова ни за что не ручалась, но во время кризиса я дежурила ночью, разбудила мою тетю Аню, она сделала укол камфары, и мамочка выкрутилась. Это было уже после слёта на Бору.

На пост директора, вместо Кумеркина, УТЗП прислало нам Н. И. Бокарева. Летом, когда мы гастролировали уже по Шахунскому району, в театре появился новый художественный руководитель – Неверовский, но у нас сложилось впечатление, что он не знал, что должен делать с нами, и как-то незаметно исчез... По слухам, ушёл в III Колхозный театр.

К тому времени наши молодые актёры Леша Пылаев и Асон Голубев женились на семёновских девушках.

В марте 1936 года был организован Слет колхозных театров в Выксе. Организовывал это мероприятие Илья Маркович Дольский. Четвёртый театр, однако, не явился, только мы и Третий театр приехали. Дом культуры был в бывшем соборе с роскошными литыми лестницами и перилами. Сцена и зал были хорошие. Жили мы в Доме колхозника, напротив Дома культуры. В его подвале был и ресторан, где мы питались. Много там было всякой всячины в магазинах, но зарплаты не было, и нас кормили в долг, а наши «балерины» Нина и Леночка покупали хлеб на копейки, собранные ими «на монисты».

1936 год. г. Семёнов. База Колхозного театра. Постановочная группа спектакля «Гибель Надежды». В первом ряду слева направо: Е. П. Дацук,

Е. П. Петрова, вахтанговец И. М. Толчанов (худ. руководитель),

директор театра Н. И. Бокарев, Е. Г. Алексеева (Вахтанговский театр),

В. Напалкова, Н. Цветнова,.....?..... Во втором ряду:?.....Е. Агапова,

В. Лебский, Бялбржевская, П. Решетников,.....?....., Н. А. Митрофанов,?.....?

Семья Лебских. 1934 год

По дороге туда заболела Аня, ожидавшая ребенка. Мне пришлось заменить её в «Трусе», а мою роль играла В. Напалкова.

Все наши выезды там были в очень красивые места. В Доме колхозника я вдруг упала в обморок на шею Марине Ивановне Дольской (последствия небольшой операции). Мы с ней очень подружились, она пела мои любимые романсы под гитару.

К сожалению, начались какие-то неприятности с Николаем Ивановичем Бокаревым, может быть, из-за наших материальных затруднений. С ним был припадок эпилепсии. Однако были и подозрения, что припадок притворный.

Приезжал к нам туда И. М. Толчанов, который поцеловал Аню после «Труса». Она говорила потом, что «это ей дороже ордена». И. М. Толчанов прочёл нам пьесу «Гибель Надежды», которую должны были мы готовить на апрельской базе в Семёнове.

На эту базу взяли мы с собой сына Юрку, но квартира оказалась плохой... Всегда привечавшая нас Елизавета Васильевна Колобянина не могла нас пустить, у неё было занято.

А на снятой квартире нас в первый же день обокрали. Стала я искать квартиру, но это было нелегко: семейных не хотели пускать нигде. Наконец, я нашла комнату, совсем отдельную, на окраине Семёнова, близко от железной дороги, там жили старушка и девочка – по возрасту, казалось, подходящая подруга для Юры. Но, увы, на репетиции Толчанова брать Юру я стеснялась, да и далёко было ходить, а на квартире, видно, Юре было плохо – с той девочкой он не ладил... Пришлось вызвать моего двоюродного брата Володю Сутырина, и он увёз в Горький своего «Братца Кролика», как он называл моего Юру. Очень это было грустно. На этот раз репетировали мы в «красной» школе и в Доме колхозника, где было страшно тесно.

К этому моменту, вдобавок, в театре проявились интриги: кое-кому было надо восстанавливать против моего мужа Вити наших режиссёров – Иосифа Моисеевича и Елизавету Георгиевну, которые чередовались, работая с нами. Пьеса была выбрана чудная, репетировать было очень интересно, но... близилась тарификация, а Витя получал 290 рублей, и

некоторым актёрам хотелось доказать, что он не стоит этого. Он не был, конечно, так занят в репертуаре, как «старички», а писать в газеты о театре хотелось самому Бокареву. И было два случая, когда Иосиф Моисеевич накричал на Витю ни за что, а Елизавета Георгиевна раскритиковала сделанный им этюд. В нём, правда, была некоторая напряжённость, но то, что и как говорилось ею, не могло ему помочь избавиться от «несвободы». Конечно, это было подготовлено «доброжелателями». Мне даже передавали, что рассуждали так: «ей прибавят, и они не уйдут, несмотря на то, что ему убавят». Бедному И. М. Толчанову, однако, было нелегко сказать Вите, что у него отбирают 50 рублей, а именно ему было поручено сообщить это нам, чтобы никто из коллектива не возражал. Но мы уже решили про себя, что уйдем. Только уйти надо было «куда-то»!

ГЛАВА 17

*Попытки вернуться в Горький. Странствия по колхозам.
Роль Вассы Железновой. Мои успехи*

Будучи в Горьком, сделали мы попытку обратиться по поводу устройства на работу к режиссёру Театра драмы Бриллю*. Он принял нас очень любезно, просил передавать привет И. М. Толчанову, с которым он ранее работал в Театре Советской Армии, но отвечал уклончиво, и только что не отказал наотрез.

Витя также сделал попытку устроиться в ТЮЗ, но В. А. Витальев** нашёл, что Витины усы производят легкомысленное впечатление и будут плохо действовать на юных зрителей и зрительниц!

А без Юрки было так тоскливо, и нашим старушкам было трудно с ним. Он очень ссорился с моей тетей Аней. Конечно, и с вахтанговцами расставаться было нелегко. И роли были любимые...

И 9 мая 1936 года мы уже играли в Шахунье в клубе Плаксина и ели в железнодорожной столовой «разврат с луком», как обозначалось это блюдо в меню. Ночевали мы в Доме колхозника, все в одном большом помещении, где нас буквально съели клопы. Зато на Сяв-Строе нас ели комары (мы жили в доме с невставленными стеклами), уснуть удавалось только после того, как внесёшь в комнату ведро с головешками, что мы делали по очереди каждый вечер. Играли на открытой эстраде, и все запасались ветками, чтобы отгонять комаров хотя бы ото рта, куда они запросто влетали. На Вахтане также приходилось уходить спать в сарай, чтобы не ели клопы. Потом нас поселили в Доме отдыха, за лесопилкой – там было чисто от всяких насекомых и даже работало радио!

Но в это время мы узнали, что наш сын Юра заболел корью и ветрянкой. По-видимому, он подцепил это на первомайском утреннике в Литературном музее, куда повела его для развлечения Витина сестра, Тамара Лебская. И вот нам сообщили, что на почте в Вахтане нас ждёт телеграмма... Никогда не забуду, как в волнении мы бегом бежали туда...

* *Бриль Ефим Александрович* (1896-1959) – русский советский режиссёр. Засл. деятель искусств РСФСР (1940). В 1920 окончил театральную школу в Одессе. Режиссёрскую деятельность начал с 1915. Работал в Кишинёве, Одессе, с 1927 в Н. Новгороде. Принимал активное участие в создании Нижегородского (Горьковского) ТЮЗа (1928). В 1930-36 работал в Москве (т-р б. Корш, ТЮЗ, ЦТКА). В последующие годы – в Ростовском, Горьковском, Свердловском и Челябинском театрах. С 1936 – художественный руководитель и режиссёр Горьковского Театра драмы. Здесь им поставлены: «Земля» (Н. Вирты), «Зыковы» (А. М. Горького), «Дорога на юг» (И. Пруста), «Чайка» (А. П. Чехова), «Нора» (Ибсена), «Беспокойная старость» (Рахманова) и «Как закалялась сталь» (по Н. Островскому) [о постановках в других театрах подробнее см. ТЭ].

** *Витальев Виктор Львович* (р. 1906) – русский советский режиссёр. Засл. деят. иск. РСФСР (1957). Работал в Пскове, Красноярске, Ворошиловграде. В 1944-48 гл. реж. Таджикского театра. С 1948 – гл. режиссёр Горьковского ТЮЗа [ТЭ].

Но содержание телеграммы нас успокоило, хотя вместо «Поправляется, шалит!» было напечатано: «Поправляется, салит!».

Бедность в колхозах была страшная... У одних наших хозяев не было ни муки, ни денег на хлеб. Они питались только горохом. Печей не топили, так как было сухое и жаркое лето, и мы питались только молоком и хлебом. Помню, в одной деревне пришли мы после спектакля, который был в телятнике, или в коровнике, а нашу крынку с молоком выпила блудня – кошка, и я жевала сухой хлеб, запивая слезами обиды...

Район этот лесной, и сколько там гибло срубленных и не вывезенных деревьев! Грустно было на это смотреть...

Нам была выделена машина, но, Боже мой, как часто лопались шины на её колесах и мы часами «загорали» на дороге. А наш актёр Алатырцев давал советы, как лучше заклеить камеру... Этот человек всё знал, всюду совался.

Помню ещё, как Витя с Колей Митрофановым ловили раков в Хмелевицах, очень красивом месте. В этом большом селе мы узнали о смерти Алексея Максимовича Горького.

В августе 1936 года база театра была перенесена в Горький. Нам стало известно, что Н. П. Яновский будет ставить у нас последнюю пьесу А. М. Горького – «Вассу Железнову».

Вернувшийся из Горького Н. И. Бокарев привез отпечатанные на жёлтой бумаге роли и раздал их нам. А пьесу, посланную Николаем Павловичем, верно, оставил себе. Мне удалось в сельской библиотеке достать 1-й вариант пьесы – но роль и эта пьеса никак не совпадали...*

Было всё неясно, и я написала Николаю Павловичу письмо, в котором отказывалась от роли Вассы, но не получила ответа.

Встретил нас в Горьком заместитель директора Вахтанговского театра по художественной части Василий Васильевич Куза, он очень любезно знакомился с Витей, с Иваном Ивановичем Коринфским (видимо, знал о них положительное), а меня приветствовал как примадонну театра. Всем нашим артистам сообщили, что нас премируют путевками в Крым.

На первой же репетиции с Н. П. Яновским я встала и заявила о том, что послала ему письмо с отказом от роли Вассы. «Я не получал никакого письма, – сказал в свою очередь Николай Павлович, – ничего не могу сделать». Стало ясно, что играть Вассу придётся мне, больше никому...

Впрочем, прочитав назначенный к постановке вариант пьесы, я изменила мнение об этой роли и активно включилась в работу.

Репетиции начались, и я заболела этой чудесной ролью. Работали мы утром и вечером в Доме офицеров, куда нам были выданы пропуска на целый месяц. Тут же примеряли костюмы, сшитые в Театрально-производственном комбинате. Моё траурное платье очень удалось, зелёное же платье для первого акта сидело на мне не так хорошо.

Роль Вассы давалось мне нелегко. Сцены с Рашелью были трудны нам обоим. Лишь впоследствии выяснилось, что наша постановка была пионерской, и я оказалась чуть ли не первой исполнительницей этой роли в Советском Союзе!

Помню, на одной репетиции нам с Аней Бялобржевской понравилось то, что мы делали, а Николай Павлович сказал: «Ну, и развезли же вы!..» Мы пришли в отчаяние... Потом он говорил, что начинал сомневаться, что спектакль получится, и вдруг я как-то так сказала: «Не дам!», что он поверил: «Выйдет!» Мне самой казалось, что вяло идёт моя сцена с мужем, может быть, не было у нас с Иваном Ивановичем Коринфским правильных сценических взаимоотношений (об этой сцене впоследствии писал в своей рецензии и критик Е. Д. Сурков**), в вполне устраивала

* Пьеса «Васса Железнова» написана А. М. Горьким в двух, существенно отличающихся по содержанию вариантах: первый в 1910, второй, получивший большое распространение, в конце 1935 г. [подробно см. ТЭ].

** Сурков Евгений Данилович (1915 – 1988) – русский советский журналист, театральный критик, педагог. Начал журналистскую деятельность в 1930. В

меня и сцена «домашнего суда». Но это шло от меня – брат и дочери играли эту сцену великолепно.

В конце первого акта «Вассы Железновой» Васса выходит из комнаты умершего мужа. Появляясь на сцене, я интуитивно взяла носовой платок в опущенную вдоль тела руку. Из зала послышался голос Н. П. Яновского: «Так оставить платок!». Видимо, это была удачная находка...

В этот кульминационный момент я жила на сцене отлично, во втором и третьем актах чувствовала себя хорошо.

В работе над образом Вассы мне очень помогло знакомство с семьей нижегородского миллионера Матвея Емельяновича Башкирова*, с Николаем Григорьевичем Шугуровым, отцом моей школьной подруги. Фотографию Анны Ивановны Башкировой принесла мне Раиса Григорьевна Шугурова, жившая неподалёку от нас и соглашавшаяся иногда нянчиться с моим сыном.

Правда, в Н. Новгороде говорили, что оригиналом роли Вассы для Алексея Максимовича послужила пароходчица Кашина, которая похоронила мужа. Позже я слышала версию о том, что похоронили пустой гроб, а муж её скрылся за границей. Впрочем, Горький мог и не знать об этом, а мог и изменить сюжет по-своему...

Витя не был занят в «Вассе», но ходил на репетиции и, как режиссёр, очень многому научился у Николая Павловича Яновского.

Раз я купила несколько гвоздик и поставила до репетиции на режиссёрский столик, а после репетиции Николай Павлович подарил их мне... Мне было и смешно, и неловко!

После репетиции мы с Николаем Павловичем и Витей обычно шли на Волжский откос, и он угощал нас в летнем кафе мороженым или пивом. Как-то показывал нам дом на Тихоновской улице, где он жил в детстве. Как грустно, что этого человека больше нет! Его смерть, и смерть Димы Анастасьева, казалось, унесли и Витину жизнь...

Премьера была сыграна в Горьком, в саду им. Свердлова, в помещении летнего кинотеатра, которого теперь нет. На спектакль приехал оформлявший его художник Семен Михайлович Аладжалов и, кажется, остался доволен. Сохранился неважный по качеству снимок, сделанный после спектакля. Зрителями, по-моему, в основном были актёры колхозных театров, оказавшиеся в это время в городе, но было и много известных горьковских актёров – А. Н. Самарина**, С. В. Юренев, В. П. Лермин...

Спектакль наш имел успех. Обо мне отзывались положительно. На другой день мы играли «Правда хорошо, а счастье лучше». М. К. Высоцкий, чудесный актёр, пришёл к нам за кулисы и сочувственно, со знанием

1936 окончил Горьковский педагогический институт. В 1942-48 – начальник Репертуарного отдела Комитета искусств СССР. В 1953-55 – зам. гл. редактора газеты «Советская культура». Член редколлегии журнала «Знамя». Основные работы С. посвящены теории и истории советской драматургии (монография, посв. творчеству К. А. Тренёва) и др. В 1953-57 преподавал в Литературном институте им. Горького, затем в Академии общественных наук. Соч: Горьковский театр драмы, Л.1937. К. А. Тренёв. М.1953, М.1955. На драматургические темы, М.1962, Чехов и театр, М.1961 (сост., автор. вст. статьи и комментарии) и др. [см ТЭ].

* *Башкиров Матвей Емельянович* – известный нижегородский предприниматель конца XIX – начала XX века.

** *Самарина Антонина Николаевна* (1892-1971) – русская советская актриса. Нар. арт. СССР (1968). Дочь Н. И. Собольщикова-Самарина. Творческую деятельность начала в 1917 в Одессе – т-р «Улыбки». Затем работала в Орле, Архангельске, Ялте, Казани, Симферополе. С 1932 – актриса Горьковского театра драмы. Роли: Софья («Горе от ума»), Диана («Собака на сене» Лопе де Вега), Мария («Двенадцатая ночь»), Анна Каренина, Аркадина («Чайка»), Катарина («Укрощение строптивой»), Глафира («Волки и овцы»), Юлия («Дачники»), Бережкова («Обрыв» по Гончарову), Раневская («Вишневый сад»), Мария Александровна Ульянова («Семья» Попова).

дела покритиковал нас. В основном – с внешней стороны, грима, костюмов. Дело в том, что здесь не было Прусова – Грознова, Голубева – садовника, Пылаева – Зыбкина. А костюмы были именно этих актёров, что и не понравилось Михаилу Константиновичу. Я тоже не учла, что грим мой, уместный на клубной сцене, был резковат для яркого освещения. Высоцкий прибавил, что Антонина Николаевна Самарина очень хвалила наш вчерашний спектакль («Вассу»).

С большим удовольствием я сыграла Вассу на радио. Этим я как бы отблагодарила этот дом – моё первое место работы.

После премьеры наш театр пошел в отпуск: П. И. Решетников, А. Г. Новиков, Н. А. Митрофанов, А. В. Бялобжевская, Е. П. Петрова и я были премированы путевками в крымский Дом отдыха Хоста-Ага, близ Мисхора. Саша Пекеров собирался сдавать экзамены на факультет Музкомедии в ГИТИС (прибавлю, что он поступил и закончил его). Остальные получили путёвки в местный Дом отдыха на Моховых Горах. Такую же путевку получил мой муж В. А. Лебский, поехавший туда с сыном. Дело в том, что перед этим мы подали заявление об уходе из театра, и нас как бы наказали, не дав обоим путёвки в Крым...

Е. Агапова в роли Вассы

ГЛАВА 18

*Отдых в Крыму. Снова в колхозах. Отказ от шефства вахтанговцев.
Переход в Горьковский Театр Драмы*

Хоста-Ага – Дом отдыха ВТО – располагался ближе к Кореизу, нежели к Мисхору, теперь на этом месте как будто Дом отдыха Белоруссии. Жили мы с Аней и Леной в одной комнате, где, кроме нас, жили m-те Монская и актриса Бакинского ТЮЗа по прозвищу Ханум. Где жили наши мужчины, мне не довелось узнать, но отдыхали мы хорошо, кормили вкусно, пляж и купанье были великолепны. Вдобавок, к себе, наверх, нас поднимали на грузовике. Завелись у меня и «почти поклонники» – артист Хмара, напоминавший нашего Я. Дольского*, и инженер Гранин.

Живя в Крыму, в Хоста-Ага, я много путешествовала одна по окрестностям, иногда брала с собой Леночку Петрову, но она уехала отсюда немного раньше срока путёвки, хотела навестить своих родителей, живущих в Киеве.

С Леночкой Петровой мы съездили на день в Ялту, но обратно катера не ходили из-за сильного волнения, а на автобус попасть не удалось, и мы пошли пешком, обращаясь к попутным грузовикам. Наконец, один из них довёз-таки нас до «Красного Знамени», откуда мы бегом поднялись в гору. Лена очень боялась опоздания, но мы всё же добрались до поверки, хотя и лишились ужина.

Жили там также Н. А. Барсуков** и П. Баталин, с которыми мы тоже иногда гуляли по живописным окрестностям.

В этом доме отдыха я познакомилась с певицей С. М. Юсовой (меццо-сопрано), которая привлекла нас, девочек, в церковь Покрова, где она изумительно пела в хоре. В 1936 году Соня, уже под фамилией Галембо, была артисткой Музыкального Театра Станиславского и Немиро-

* Дольский Яков Абрамович – артист Горьковского Областного театра драмы.

** Театральный критик из г. Горького.

вичи-Данченко. С ней мы встречались по утрам в душе Дома отдыха, куда мы обе приходили спозаранок до «напылива».

Приезжал в Хоста-Ага, чтобы с кем-то встретиться, и наш земляк Юра Дойников. Утром, в день его отъезда, нам захотелось с ним проститься. Тогда за отъезжающими, чтобы отвезти их на вокзал в Севастополь, подавали какой-то экипаж. Юра, видимо, зашёл с кем-то попрощаться, но это прощание очень затянулось, и возчик хотел уехать. Я уговорила его ещё подождать и пошла за Юрой. Мне было очень неловко торопить его, но он говорил мне, что ему необходимо вовремя быть в Москве, и я решила. Эта наша последняя с ним встреча была очень приятна. Больше я его не видела.

Возвращалась я одна через Севастополь – Леночка уехала раньше, чтобы заехать домой, в Киев.

В дороге я немного прихворнула. Приехав в Москву, я пошла к Е. В. Ляуданской и обедала у них. Елизавета Владимировна пыталась устроить меня на премьеру «Много шума из ничего», но в кассе ей сказали, что там будут члены правительства, и «моё присутствие нежелательно». Это, конечно, я шучу. Лишь в 1949 году, во время гастролей Вахтанговского театра в Горьком, мне удалось посмотреть этот спектакль. Тогда у нас в училище побывали и Р. Н. Симонов, и М. Астангов; Николай Павлович Яновский был у нас на репетиции «Старика» и рассказывал ребятам о работе с Вахтанговым, а Игорь Константинович Липский был у меня на читке пьесы «Хлеб наш насущный» и после хвалил мне Бориса Гусева*.

Но вернусь в 1936 год... Дома встретили меня с восторгом, очень соскучились. Витя тоже болел в моё отсутствие.

В октябре, после поездки в Крым, мы вернулись в Семёнов, и начались поездки с «Вассой» и другими спектаклями. В самом начале декабря играем «Вассу» в Семёновском кинотеатре. Принимали нас хорошо. Помню, что в последнем акте я увидела моего Юрку, сидящего в оркестре и играющего конфетной бумажкой. Где мы жили в тот раз? Совсем не помню, кто привёз и кто увёз Юрку?!

Должно быть, мы побывали и в Краснобаковском районе. Помню, что на станции Ветлужская нашей хозяйке очень понравилась «Гибель Надежды». Потом спектакли в Кантаурове и в Ситниках**.

В декабре мы должны были сыграть два спектакля в Горьком – «Вассу Железнову», наш последний спектакль, и «Правда хорошо, а счастье лучше» – первый спектакль. Николай Павлович не смог приехать, и вместо него приехал Иосиф Моисеевич Толчанов. Последнему начало спектакля не понравилось, и он пытался его оживить, но это было не очень удачно. Очень много он бился с Рашелью – Аня была слишком холодна к сыну. Когда же он попытался разбудить в ней материнские чувства, но вместо этого они возникли у меня, и слезы выступили на глазах... Толчанов подумал, что что-то недоброе с моим Юрой – сын мой был в Семёнове, на базе «Гибель Надежды». Я объяснила, что нам опять предстоит разлука – она и вызвала слезы. Ему, видимо, показалась вялой первая сцена с Гурием Кротких, он что-то мне надумал с очками, но потом это осудили в рецензии, и я отказалась от этого «украшательства».

До первых чисел января 1937 года мы играли наши спектакли в Горьком. Спектакль «Гибель Надежды», сыгранный на Автозаводе, произвёл очень хорошее впечатление на приехавшего из Москвы давнишнего Витиного друга Дмитрия Анастасьева***.

* Гусев Б. – выпускник Горьковского Театрального училища 1951 года, работал в Горьковском театре драмы, некоторое время учился в Школе-Студии МХАТ, работал в театре «Современник», в театре г. Владимира, снялся в нескольких фильмах.

** Сёла Борского района Горьковской (Нижегородской) области.

*** Анастасьев Дмитрий Николаевич (1911-1968) – журналист, 18 лет был главным редактором журналов ВЦСПС «Клуб», «Художественная самодеятельность», а с 1964 года – объединенного журнала «Клуб и художественная самодеятельность».

Печально только, что горьковское руководство колхозных театров не ценило бескорыстной работы вахтанговцев и с легким сердцем отказалось от их шефства. Терпеть трудную жизнь «на колесах» без вахтанговцев показалось невыносимым, и мы с мужем в начале 1937 года покинули этот театр, с грустью расставаясь с товарищами по работе и любимыми ролями... Впереди была встреча с оставленным в городе сыном, о котором я так тосковала, и никаких перспектив работы...

Мы получили письмо от Кузы, предлагавшего нам работу в колхозном театре Кировской области, которым руководила Анна Алексеевна Орочко. Мы было уже готовы были принять это предложение, но... мама умоляла не оставлять её одну... И я почти уже решила, скрепя сердце, расстаться с театром. Зоя Павловна Чайка устраивала меня секретарём учебной части на кафедру химии университета.

Но в один прекрасный день Витя пришёл домой возбуждённый и радостный, и сообщил, что мы оба приглашены на работу в Горьковский театр драмы. Этим обязаны были мы Евгению Даниловичу Суркову, заведующему тогда литературной частью театра, видевшему наш спектакль «Васса Железнова» в Горьком и написавшему о нём сочувственную рецензию. Многим и в дальнейшем я обязана этому одарённому, тогда ещё совсем молодому человеку.

Надо было идти разговаривать с директором, с А. М. Рязановым... Разговор для нас был нелёгким, я чувствовала себя униженной... Рязанов сразу сказал, что не может платить так много, как мы получали в Колхозном театре. А разве мы много там получали?! Я и сказала: «Ну, 216 рублей не много?» После Нина Бельская бранила меня, говорила, что надо было просить 288... А как я могла, хоть я и получала в Колхозном 290, но Вите-то сбавили до 240...

Но брал нас этот жестокий человек только с сентября, а как дожить... После этого унижительного разговора меня ободрила только фраза секретаря дирекции, Анны Фридриховны: «В добрый час!»

В этот период жилось нам нелегко. Витя продолжал работу в школьном драмкружке, потом нанялся руководителем кружка в Дзержинске, я два месяца проработала в Речном училище на разработке переписи населения. Мама поехала в гости к дяде Коле куда-то далеко. В этот год лето было жаркое, горели леса. В августе мы с Юркой поехали в Семёнов, к Елизавете Васильевне Колобяниной. Витю взяли на территориальный сбор в Красную армию.

Приехали мы немного рано для Елизаветы Васильевны. Её квартирант ещё не уехал, а потом приехал к ней племянник Дима. Но всё же время прошло хорошо, мы хоть немного отдохнули.

ГЛАВА 19

Сбывшаяся мечта. Работа с Бриллем и Соболющиковым-Самариным

И вот я актриса такого родного, такого любимого с детских лет театра... Может быть, это сбывались тайные надежды и мечты тех лет, когда я решила посвятить себя работе в Театре.

На собрании труппы директор представил новых артистов, в том числе и меня (муж был на территориальном сборе), всему коллективу. Н. И. Соболющиков-Самарин подозвал меня к столу и расспрашивал, сколько времени я работала над ролью Вассы. Очень любезно приветствовали меня знакомые мне с детства Т. П. Рождественская и Ф. П. Ювенская.

Сезон открывался спектаклем «Горе от ума» в постановке Николая Ивановича. Я была в числе гостей фамусовского бала. Мне сразу стали шить очень милое платье с отделкой из синих лент.

Если подвести итоги, не очень много сделано мною за десять лет работы в этих дорогих мне до сегодняшнего дня стенах... Но какие режиссёры ставили спектакли, какие актёры были моими партнёрами на этой сцене!

Художественным руководителем театра был в то время Ефим Александрович Бриль. Как интересно было с ним работать, как глубоко умел он задеть тебя, заставить зажить образом героя! Я работала в трёх его спектаклях, и обо всех вспоминаю как о событиях своей жизни.

Особенно интересен был спектакль «Нора». По-моему, сам Ефим Александрович его любил. В этом спектакле я была партнёршей прекрасной актрисы – А. Н. Горянской. Как много было в её глазах, смотревших мимо меня, почти не замечавших меня, ничего не подозревающей Анны-Марии!

В инсценировке «Как закалялась сталь», поставленной к XX-летию Ленинского Комсомола, я играла роль матери Павла Корчагина.

И вот, придя на репетицию одной из картин, мы увидели на сцене выгородки, изображающие улицы Щепетовки. Ефим Александрович сказал, чтобы мы подумали, что хотим делать на сцене, и приступали к репетиции.

Подумав, я сбегала в реквизиторскую за тазом и принялась развешивать белье у «своего палисадника». Уходя со сцены, я забыла таз, и в него случайно попал актёр Г. А. Писарев – конвойный, который вёл в тюрьму Жухрая, освобождаемого Павкой. Так таз и остался на сцене!

В 1940 году Бриль выпускал подготовленный А. Г. Новиковым к смотру молодежи спектакль «Гибель Надежды». Думаю, что ему не нравилось распределение ролей в этом спектакле: не мне поручил бы он роль Ио!

Но работал он с нами очень увлечённо и многого от нас добился. Он после творческой командировки в Ленинград находился под обаянием Улановой – Джульетты, с которой я, конечно, не могла соперничать.

Однако на этот спектакль он распорядился перевести всех исполнителей молодёжного спектакля в гримировочные ведущих артистов и положил на мой столик подбадривающее письмо... В нём он призывал меня стать смелее, увереннее. И когда на премьере я совершила большой промах, позабыв об открывающемся после III акта на аплодисменты зрителей занавесе, и не встала с колен, чтобы поклониться публике, все меня за это укоряли и ругали, а Ефим Александрович, всё поняв, горестно воскликнул: «Не хотел ведь я открывать! Меня уговорили!»

К сожалению, в том же году он оставил наш театр.

Большим событием в жизни каждого актёра нашего театра было оказаться занятым в спектакле Николая Ивановича Соболящикова-Самарина, пусть даже в небольшой роли.

Это счастье было и у меня. Правда, только один раз я играла у него большую роль Арины Ивановны Ванюшиной в спектакле, вышедшем в июне 1938 года.

Незаметно подводил этот мастер актёра к тому решению роли, какое необходимо было ему для осуществления замысла всего спектакля, который сам он видел во всех деталях. Но исполняя небольшие роли в его спектаклях, мы видели его работу с другими актёрами.

На репетиции «Дети Ванюшиных», когда Арину Ивановну репетировала основная исполнительница Ф. П. Ювенская, а я сидела в зрительном зале, Николай Иванович подозвал меня и сказал, чтобы я внимательно следила за ней в этой роли, что эту роль она играет хорошо. Но я и так была большой поклонницей этой актрисы – в ней была необыкновенная наивность, простота и беспомощность, столь свойственные Арине. В других ролях она могла разоблачить свою героиню, как бы нарисовав её сочными мазками Кустодиева: так было с Настасьей Дюжей в спектакле «Сон на Волге», Атуевой в «Свадьбе Кречинского».

Очень мне нравилось её исполнение Пелагеи Притыкиной, вызывающее презрительную жалость к этой недалёкой и жадной женщине («Варвары», постановка Н. А. Покровского, 1942 г.).

В работе Николая Ивановича меня всегда поражало его умение точно распределить время работы над спектаклем. Если не хватало времени, чтобы закончить намеченные планом сцены на репетиции (что бывало очень редко!), то он «занимал» у нас десять-пятнадцать минут и непременно «отдавал» эти минуты на следующий день, то есть оканчивал репетицию на столько же минут раньше*.

Часто в перерывы рассказывал он нам какие-нибудь случаи из своей богатой воспоминаниями жизни в дореволюционном театре. Многие из этих рассказов запомнились на всю жизнь. И ведь, как правило, эти воспоминания рассказывались не зря, всегда был в этом глубокий смысл, который давал что-то для репетируемой пьесы. Мудрый человек был Николай Иванович.

ГЛАВА 20

Работа с Лерминым и Массом

Охотнее всего, как мне кажется, занимал поражаю в своих спектаклях Всеволод Петрович Лермин, которому я очень понравилась в роли Вассы. По словам Е. Д. Суркова, были люди, которые говорили о моей Вассе: «Для неё – это хорошо». Но Всеволод Петрович сказал: «Это – хорошо!». И в первые годы моей работы в Театре драмы я была занята почти во всех его спектаклях, и относился он ко мне всегда хорошо и сердечно.

С ним было так легко работать: чувствовалось, что он доверяет мне и предоставляет почти полную свободу действовать «в предлагаемых обстоятельствах». Человек он был высокообразованный и очень интересный.

Первая моя роль в Театре драмы была роль Веры Ручьёвой в спектакле «Очная ставка», который мы играли много лет. Играла я эту роль вместе с его женой, Татьяной Константиновной Алябьевой, и с тех пор сохраняются между нами самые сердечные отношения.

После генеральной репетиции подошёл ко мне В. Ф. Васильев, который играл Ларцева в этом спектакле. Очень доброжелательно, явно желая порадовать меня, сказал он, что я очень понравилась Николаю Ивановичу, только мою руку спиртом не под флаконом, а в стороне (это я засмотрелась на смертельно раненного пограничника!).

С Василием Федоровичем у меня была хорошая сцена в этом спектакле, и такое удовольствие было разговаривать на сцене не с ним, а со следователем Ларцевым. Так было и в «Учителе», где он играл моего сына Степана Лаутина.

Да, замечательные актёры были в те годы в театре, это были талантливые партнёры, своей талантливой игрой делающие и нас талантливей.

В спектакле В. П. Лермина «Анна Каренина» меня как-то очень не удовлетворяло поведение моей Аннушки в сцене с Анной. Текста было мало, а так хотелось чем-то выразить свою любовь и сочувствие... Как?!

И вот после генеральной репетиции А. Н. Самарина, игравшая Анну, тоже заговорила со мной об этом. «Может быть, руку поцеловать?» – говорю. Она с жаром запротестовала. Все дни до премьеры я думала об этом, и уже на сцене нашла... опустила на колени перед Анной. Антонина Николаевна одобрила, а Всеволод Петрович спросил меня: «Вам Антонина Николаевна это подсказала?». Я говорю: «Нет, сама нашла... Нам с ней не нравилось то, что было». Он похвалил меня, и другая исполнительница роли Анны – Нина Ивановна Мартынова попросила меня играть с ней так же, как и с Самариной.

С Ниной Ивановной я уже играла Михеевну в «Последней жертве», причём за восемь дней до премьеры мне пришлось заменить заболев-

* В то же время Н. И. Соболевичков-Самарин был требователен и к другим сотрудникам театра, особенно к родной дочери, А. Н. Самариной, и к её мужу, Г. И. Юрьеву. Сохранились копии этих его письменных замечаний, которые вывешивались на доске за кулисами театра.

*В роли Аннушки
в «Анне Карениной»*

шую актрису. Очень поддержала меня в те дни чудесная артистка Надежда Александровна Чукмаалдина, с которой у меня было несколько сцен в спектакле.

Помог мне и Георгий Иванович Юрьев, который охотно репетировал со мной сцены Дергачёва – он играл его в этой пьесе.

Сергей Васильевич Юренев, замечательно относившийся к нам с мужем и великолепно игравший в этом спектакле Лавра Мироновича сказал мне однажды: «Вы немного почитываете в сцене со мной!» Наверно, я робела на сцене перед этим «красавцем артистом».

Михаил Константинович Высоцкий высказал мне претензию, что я «играю на публику» в одном месте «Очной ставки». Думаю, что он ошибался, но в этом была видна его забота обо мне, его желание, чтобы я двигалась в нужном направлении.

Очень любила я роль молодой крестьянки Лизы Чудновой в «Кремлёвских курантах» (постановка В. П. Лермина), помнятся яркие, волнующие чувства, заливающие меня в сцене прихода в избу Чудновых В. И. Ленина, в роли которого выступал мой учитель Николай Александрович Левкоев.

С увлечением играла я и «бабу с улицы» в «Мещанах», бессловесную девку в «Сне на Волге» – спектакле, который казался одним из самых значительных в те дни. Очень любила я сцену с Александром Егоровичем Ванюшиным – П. Б. Юдиным из последнего акта и следующую за ней сцену с Клавдией – Т. К. Алябьевой. Весь зал как бы напрягается и противится тому, что Арина отдаёт Леночкины деньги Клавдии. Им ясно, что Леночка их никогда не получит...

Отношение ко мне нового художественного руководителя Владимира Захаровича Массы* было очень дружественным. Был он близок к вахтанговцам, и там, конечно, позаботились сказать ему обо мне. Жаль только, что это отношение кое-кем было истолковано совсем неверно и принесло мне много неприятностей впоследствии.

Нельзя сказать, что Владимир Захарович баловал меня ролями, но всё же в первом его спектакле «Учитель» (1940 г.) я получила небольшую рольку Прасковьи Лаутиной, приятную хотя бы тем, что партнёрами моими были В. И. Разумов и В. Ф. Васильев.

В пьесе В. Соловьёва «Фельдмаршал Кутузов» я играла Василису, прообразом которой служила легендарная партизанка. К сожалению, образ был выписан несколько формально, я не преодолела его условности и была «пейзанкой», как писал в рецензии Б. С. Рюриков**.

После спектакля «Фельдмаршал...» в Москве (1941 г.) уже упомянутая мной А. К. Покровская передала мне через А. М. Мучникова плитку шоколада, но при встрече сказала, что мне досталась самая фальшивая роль в пьесе.

* Масс Владимир Захарович (р.1896) – русский советский драматург, поэт. Участвовал в организации театра-студии «Мастфор» (1920), где были поставлены его первые пьесы-буффонады на злободневные темы. В последующие годы написал ряд пьес для Театра сатиры, «Синей блузы». В 1939-41 был художественным руководителем Горьковского Театра драмы. В г. Горьком поставил ряд спектаклей, в том числе свой водевиль «Сады цветут». С 1944 в соавторстве с М. Червинским писал комедии «Где-то в Москве», «О друзьях, товарищах», либретто к опереттам «Трембита», «Самое заветное», «Белая акация», «Москва, Черемушки», большое количество скетчей, конференсов для эстрады. Совместно с Н. Р. Эрдманом был автором сценария фильма «Весёлые ребята».

** Рюриков Борис Сергеевич (1909 – 1969) – известный советский критик и литературовед, начало его литературной деятельности связано с Нижним Новгородом.

ГЛАВА 21

Работа с Н.А.Покровским

Во время войны появился в нашем театре чуть ли не пешком добиравшийся из Смоленска, уже знакомый нашему зрителю по 1932-1934 годам артист и режиссёр Николай Александрович Покровский. Его помнили по ролям Селестена («Интервенция») и, главное, Гая в «Моём друге» Н. Ф. Погодина. Счастливые сочетание яркого темперамента, юмора и глубокого интеллекта делали играемые им роли необычайно объёмными, убедительными. Вскоре он стал художественным руководителем театра и поднял на большую высоту талантливый коллектив, созданный его предшественниками. Все постановки этого мастера становятся незаурядными достижениями театра: «Парень из нашего города», «Варвары», «Фронт», «Укрощение строптивой», «Ревизор», «Так и будет», «Горе от ума», «Иван Грозный» А. Н. Толстого, «Дачники», «Далеко от Сталинграда». Многие из этих спектаклей, оформленных к тому же прекрасными художниками Г. А. Белоуско и К. И. Ивановым, составили славу театра. Ведущие роли, исполняемые Николаем Александровичем в этих спектаклях, до сих пор памятливы любителям театра в нашем городе. Разве можно забыть Сергея Луконина, Черкуна, Ивана Грозного или полковника Савельева в «Так и будет»! А ироничный, грубоватый и остроумный Петруччио? Этот список может быть продолжен. Большим достоинством этого режиссёра была глубина содержания поставленных им перед актёрами задач, яркость, законченность формы спектаклей.

К сожалению, мне пришлось очень мало работать с этим выдающимся режиссёром. Очень интересна была работа над небольшой ролью княгини Курбской, но из-за общей большой продолжительности спектакля эту сцену прощания Курбского с женой и детьми, дорогу для меня, убрали. На репетиции «Горе от ума», где я была одной из княжон, он, играя Репетилова, сказал нам, окружавшим его – Репетилова, княжнам: «А ведь трудно играть так, ничего не говоря, я бы не смог!» И в его глазах промелькнуло участие к нам, участницам массовых сцен.

Но добрым человеком он не был, он мог даже быть жестоким и находить для своих исполнителей самые язвительные слова и сравнения. Наверное, это тоже помогало ему ставить такие сильные спектакли.

Последней моей интересной работой в театре была роль Веры Ивановой в пьесе А. Арбузова «Домик в Черкизове» (1941 г.). Роль была мне во многом близка: эту девушку волновали, как всех нас тогда, события Великой Отечественной войны, тайная безответная любовь, спрятанная в глубине, на дне души. Привлекала меня и особая прелесть письма, свойственная Арбузову. Сестёр моих играли мои подруги по театральной школе. И если Бельская – Люба, мне казалось, играла не совсем то и не было в ней этой признанной красотки из пригорода, то Надежда – Прокопович была именно той девушкой, которые шли на фронт в те дни – очень чувствовалась глубина и сила этой юной души.

1943 год.
«Домик
в Черкизове»
Сёстры

Сама я, мне думается, была не совсем тем, чем должна была быть, меня очень увлекла личная тема, а Вера более значительна, она становится директором, душой нового завода!

ГЛАВА 22

Переход к педагогической работе

Очень тяжело было расставаться с театром, где, казалось, не было ещё сказано всё, что хотелось и могла сказать, но... с этим горем в какой-то мере помогла справиться любовь к театрально-педагогической деятельности, интерес к которой поселила во мне Е. Я. Эфрон, а многому научила незабвенная Е. В. Ляуданская, уроки которой я использовала ещё с новичками в колхозном театре. В годы войны, с благословения Н. А. Левкоева, мы с мужем работали в Студии Театра драмы, а позднее и в Эстрадной студии при филармонии.

И вот я начала преподавать в Театральном училище... Как я волновалась: смогу ли я развить способности людей, завоевать их доверие к себе, воспитать в них ту Веру, которую исповедовала сама?! Ведь я не была видной, известной артисткой...

Но мне повезло – люди ко мне пришли одарённые, большей частью трудолюбивые, и работать с ними было необыкновенно интересно. Их изобретательность в приготовлении этюдов была почти безгранична. До сих пор вспоминаются некоторые из этих этюдов.

Художник – студент В. Репин* – заканчивает стоящий на мольберте портрет Евгения Евстигнеева (впоследствии Народного артиста СССР). Приходит к нему завидующий ему товарищ – художник (Б. Гусев). Он начинает хвалить портрет, но делает это так «умело», что расстроенный Володя, отставив портрет, накрывает его тканью. И приход, и «похвалы» Гусева ему неприятны.

Но вот за портретом пришёл заказчик – Евстигнеев. Женя был очень импозантен и важен. Портретом он доволен и уносит его. Надежды Гусева не оправдались, он поздравляет Репина, но не в силах скрыть досаду и разочарование, что Евстигнеев не отказался от портрета.

Очень тонко были переданы мальчиками переживания действующих лиц этюда, и ловко срежиссировано появление Евстигнеева, который сумел незаметно исчезнуть из портрета.

Хорошо прошёл этюд «на вокзале», где Нина Сахарова потеряла реbenка...

На первом курсе студенты выпускали юмористический журнал с грифом «педагогоопасно». Мне этот журнал читать разрешали...

При переходе с первого на второй курс очень ярко выявились Борис Гусев – Глоба («Русские люди»), Валентина Лабунько – Наталья («Тихий Дон»), Нина Разумова – Гаврик («Белеет парус одинокий»), Владимир Репин – председатель Укома и Нина Сахарова – жена коменданта бань («Шторм»).

Кроме того, в экзаменационном спектакле второго курса Гусев сыграл Егора Булычова, а Евстигнеев – попа Павлина.

Конечно, не всё давалось легко и мне, и студентам: приходилось преодолевать заскоки трудных характеров, сложных взаимоотношений студентов друг с другом.

Порой я подменяла на репетиции партнёров, чтоб вызвать более яркие и сильные эмоции. Иногда молодые люди, уже почувствовав свое превосходство, «снисходили» к своим партнёрам. Естественно, те «за-

* Репин Владимир Сергеевич – выпускник Горьковского театрального училища 1951 года. Работал актёром в Барнаульском театре, затем режиссёром политических передач на Горьковском телевидении, позднее – режиссёром художественных телепередач в г. Саратове.

жимались». Вот тут я заменила «маститых» и, расшевелив, разогрев девочек, передала их партнёрам. Всё это делалось под каким-то благовидным предлогом, и в конечном итоге и ученикам, и мне приносило большую творческую радость.

Всё ярче выделяются на следующих курсах Б. Гусев и Е. Евстигнеев своим темпераментом, голосом, яркими приспособлениями.

У Гусева – великолепно сыгранный председатель колхоза – Камень в пьесе А. Сурова «Большая судьба», Бессеменов в «Мещанах» (дипломный спектакль, поставленный Н. А. Левкоевым), секретарь райкома Рогов в «Хлебе нашем насущном» Н. Вирты, у Евстигнеева – художник Земгал («Глина и фарфор» Григулиса), Каньисарес («Ревнивый старик» Сервантеса); в его финском батраке Пааво чувствовалось столько силы, ума, убежденности при большой скупости движений и слов! («Ветер с юга» Э. Грина).

Ярко и выразительно был сыгран Ланс в «Двух веронцах» Шекспира. Сцены с собачкой Кребом* и Спидом (А. Алексанин) пользовались большим успехом у зрителей. На экзамене по сценическому движению (преподаватель И. В. Вишневецкий) очень интересно был сыгран Мефистофель в сцене поединка Фауста с Валентином.

Всё это были заявки на оправдавшее себя со временем будущее. Подала надежды и А. Белокуркин – Ананий («Горькая судьбина»), Нил («Мещане»), В. Репин – Васютин («Старый друг лучше новых двух»), Перчихин («Мещане»), В. Вихров – Валентин («Два веронца»), Тетерев («Мещане»), А. Алексанин – Саша Золотников («Беда от нежного сердца»), Спид («Два веронца»), И. Тылин – Пётр («Мещане»), Протей («Два веронца»).

Радовали и девушки: А. Ванькова – Рогова («Хлеб наш насущный»), Сильвия («Два веронца»), В. Лабунько – Лизавета («Горькая судьбина»), М. Осипова – Ортигоса («Ревнивый старик»), Твердова («Хлеб наш насущный»), Н. Разумова – Анка Тополя («Макар Дубрава»), Колька Зарубеев («Воробьёвы горы»), Л. Фомина – Оленька («Старый друг лучше новых двух»), Катенька («Беда от нежного сердца»), Джулия («Два веронца»), Л. Хитяева – Аннушка («На бойком месте»), Настенька («Беда от нежного сердца») и Лючетта («Два веронца»).

Курс был интересный, и это доказало время, прошедшее недаром для большинства выпускников. Судьбы сложились по-разному, у иных не так, как хотелось бы... Приятно отметить, что с большинством и преуспевших, и менее преуспевших на театральном поприще отношения продолжают оставаться сердечными. Меня, во всяком случае, постоянно интересует и волнует судьба всех моих «детей»: радуюсь их удачам и горюю вместе с ними.

*«Два веронца»
У. Шекспира.
Режиссёр-педагог
Е. Агапова.
В роли Ланса,
слуги Протей,
Е. Евстигнеев,
в роли Разбойника (?)
В. Репин,
Н. Разумова слева
за ширмой управляет
куклой-собачкой
по имени Креб*

* Кукла, изображавшая Креба, была изготовлена талантливой художницей Горьковского Театра кукол Н. М. Дрягиной; куклой весьма успешно управляла студентка того же курса Нина Разумова (впоследствии Засл. артистка России), спрятанная за невысокой ширмой...

Работала я и на других курсах, конечно, в меньшем объёме, чем на своём, но связью с иными выпускниками не менее мне близка и дорога.

Необходимо здесь сказать, что очень помогало в работе наше содружество с мужем моим В. А. Лебским. Он был талантливым педагогом с богатой интуицией, очень любил молодёжь, верил в неё и отдавал ей всё, чем обладал сам. Мы как-то дополняли друг друга в работе, подчас очень спорили (не при учениках), иногда мне удавалось убедить его, иногда побеждал он.

Никогда только не могла убедить его хоть немного поберечь себя! Да, мы оба тогда не жалели себя... Часто, очень часто, особенно после экзаменационных показов, мы возвращались поздно ночью и долго не могли уснуть от усталости и пережитых волнений. Ведь играть самой много легче...

Педагогический коллектив того времени, возглавляемый Н. А. Левковым, Г. А. Яворовским, Л. И. Гостевой, следил не только за успехами, но и за поведением учащихся и обучал их культуре поведения не только на сцене, но и в жизни.

Мы все были единомышленниками, любили наших воспитанников, стремились отдать им лучшее, что было у нас. Анна Константиновна Якуб, так рано покинувшая нас, стала моим другом ещё во время совместной работы в Эстрадной студии. Такими хорошими нашими помощницами были концертмейстеры Вера Николаевна Глазунова и Евгения Николаевна Горская! Преподаватели теоретических дисциплин М. Н. Козлова, С. М. Лемберская, В. Э. Мичурин, И. А. Фогельсон живо интересовались успехами студентов в основном предмете и посещали годовые и дипломные экзамены.

Воспоминание о времени общения в работе с этими людьми навсегда сохранится в моей душе.

Чем же закончить эти страницы, в течение нескольких лет волновавшие меня, вызвавшие к жизни массу светлых и благодарных воспоминаний, как будто снова я встретила с людьми, давшими мне так много, и которым так мало могла я «воздать»!

Хотелось бы, чтобы наши выпускники ещё долго и хорошо служили делу Театрального искусства!

г. Горький, май 1974 года